

ЮТА ТЕН

ПОЦЕЛОВАТЬ

книга первая

НЕБЕСА

школьный мистек 2014

Юта Тен

Поцеловать небеса. Книга 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=7321192
Юта Тен. Поцеловать небеса: Skleněný můstek s.r.o.; 2014
ISBN 978-80-87940-20-4

Аннотация

Кто главная героиня этого романа? Проститутка, алкоголичка или отчаявшаяся женщина, одинокая мать маленького ребенка, которой просто отчаянно не везет? Ее жизнь то взмывает вверх, то катится под откос. И мы вместе с главной героиней то опускаемся на самое дно, то поднимаемся к самым вершинам. Примечательно, что автор не пытается приукрасить неприятные моменты, описывает жизнь со всеми ее пороками.

Содержание

Часть 1. Голгофа милосердная	5
Глава 1	6
Глава 2	9
Глава 3	11
Глава 4	13
Глава 5	15
Глава 6	17
Глава 7	19
Глава 8	22
Глава 9	25
Глава 10	27
Глава 11	30
Глава 12	33
Глава 13	36
Глава 14	39
Глава 15	41
Глава 16	43
Глава 17	45
Глава 18	47
Глава 19	50
Глава 20	53
Глава 21	55
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Юта Тен

Поцеловать небеса. Книга 1

Все права автора охраняются законом об авторском праве. Копирование, публикация и другое использование произведений и их частей без согласия автора преследуется по закону.

Часть 1. Голгофа милосердная

Благодарю автора, пожелавшего остаться неизвестным, за предоставленный материал. Несколько лет назад я получила по почте толстый конверт с мелко исписанными желтыми листами. К ним была приложена краткая записка: «Я знаю, что Вы лучше меня распорядитесь этим. В этом вся моя жизнь».

Я никогда не слышала, чтобы она жаловалась. И на вопросы дней идущих, что рубят с плеча, рассекают воздух со свистом, она всегда находила ответ.

Она и Жизнь – без устали дерзили друг другу.

Я знала ее очень давно...

Прочитав ее труд от начала и до конца, я приняла решение оформить его и с согласия автора предать гласности, потому как история эта показалась мне в своем роде уникальной.

Глава 1

Это надо пережить, осмыслить, ощутить, выстрадать, чтобы потом сказать: «Нет ничего ужаснее, чем человек без Родины, без отчего дома, один на один с судьбой, без поддержки и без будущего...»

Седой корейский лама осторожно взял мою руку, повернул ладонью к себе. Я поспешно сжала кулак, тихо спросила: «Может не надо?» «Отчего?» – хрипло удивился он.

Я разомкнула пальцы, он в долгой задумчивости смотрел на причудливые узоры... Закрыв глаза, вздохнул.

«Ну, и?..» – тихо спросила я.

«М-да... Трудно... Но все будет хорошо», – неуверенно прошептал он, и его ответный взгляд наполнился испугом.

Я родилась у женщины, имеющей смутное представление о детях. Родилась не как все, а ногами вперед, как будто только что умерла в другом, параллельном мире. С этого момента и началась моя необыкновенная, непредсказуемая жизнь, похожая на придуманный кем-то роман.

Все мое далекое детство прошло в среднеазиатских степях. Родители-геологи, люди выпивающие, непритязательные к быту и жизненным условиям, часто переезжали с места на место, каждое из которых мало чем отличалось от предыдущего. Я меняла школы, друзей, привычки, менталитет и мировоззрение так же легко и постоянно, как деревья меняют свою листву. И все, что я вынесла из детства – это оглушительное ощущение свободы и простора, которые таит в себе бескрайняя горячая степь, память о широте и мудрости гостеприимного азиатского народа. Свернув воспоминания цветным платочком, я положила их в самый потаенный карман разума. Там осталась моя Родина, до сих пор мне снятся холмы, усеянные тюльпанами, бесконечные отары овец, наши геологические домики с обрывками цивилизации, далекие школьные друзья, дети таких же геологов, как мои мама и папа. Снятся школьные классы с промерзлыми окнами и печным отоплением, лютые степные зимы и жуткие воющие ветры, долетающие с Байконура после запуска очередной космической ракеты.

Я быстро выросла и стала крепким закаленным подростком. Все эти сказки про ужасную урановую экологию степей Азии так и остались сказками. Я стала симпатичной длинноногой и абсолютно здоровой девицей, всегда первой в классе, радостью для родителей, которые к тому времени уже окончательно развелись.

Из зеркала на меня всегда смотрели ясные, голубовато-зеленые глаза, оттуда же улыбались пухлые смешные губки, слегка дразнился курносый носик. Медленно растущие, русые волосы никак не могли перейти отметку «ниже лопаток», что невероятно злило меня и часто портило настроение.

* * *

К концу десятого года обучения я смело покуривала в школьных туалетах и опробовала несколько видов крепких спиртных напитков на дружеских вечеринках.

Но, в общем, жила без большого греха. Мною была прилежно прочитана вся домашняя библиотека, собранная мамой в ажиотажном пылу погони за книжной модой. Это были лучшие мастера мировой литературы. Классики! Боги! Мои единственные признанные учителя. Внезапно я начала писать сама. Моими школьными сочинениями с упоением зачитывалась классная руководительница, она делала это напоказ, перед всеми учениками, что откровенно смущало меня... Вся моя личная писанина сводилась к небольшим стихам и коротким рас-

сказикам. Я научилась видеть мир по-другому, изнутри, что отдалило меня от сверстников и, наверное, отдаляет до сих пор.

Родители наградили меня не только прекрасной внешностью, но и бунтарским характером, за которым укрылось ранимое нежное сердце. Первая любовь, выпускной бал, попытки получить высшее образование – все было провалено с треском! Тогда же, на первой попытке взлета, я заклеила себя полной неудачницей и пошла по собственным университетам, еще не догадываясь, что побег от себя невозможен. Я рано познакомилась с деньгами, потому что жила с ними в одной квартире. Но в степи их не на что было тратить, и они не имели там такого значения, как в большом и искушенном тратами городе.

Самым светлым пятном из прошлого остался в памяти брак с достойным человеком, любившим меня три года, и наше с ним творение – дочь Машка, маленький, пухлый пупсик, который слишком быстро превратился в красивую девушку, мою подлинную радость в этой жизни. Ни она, ни я не могли себе даже представить всей гениальности и всего безумия того детективного сюжета, который предложит нам судьба, и в котором нам придется участвовать вместе, рука об руку, много-много лет...

После болезненного разрыва с мужем мы переехали в Ташкент, где у моих родителей была большая запущенная квартира в самом центре города. Из-за периодического отсутствия матери и отца жилье пришло в полный упадок, а учитывая их собственное состояние развода, жизнь там стала совершенно невыносимой... Город напугал меня. Это сейчас Ташкент – далекая заграница. А раньше это была главная восточная столица великого Советского Союза. Туда съезжались короли бизнеса со своими королевами. «Город богатых мужчин и красивых женщин», – так говорили про Ташкент. И посреди всей этой роскоши я с ребенком на руках была не просто напугана – я была обезглавлена.

Город постоянно требовал денег. Я не представляла, как буду жить здесь. Ведь я по-прежнему хотела быть только первой! И после недолгих раздумий, мною был выбран путь наибольшего сопротивления.

Год одна тысяча девятьсот девяносто второй... Большой бизнес только поднимал голову, а знание английского языка оценивалось на вес золота. Я продала свой любимый, большущий дорогой перстень с ярким, сочным рубином, и отправилась учиться на экспресс-курсы переводчиков. Не прошло и полгода, как я успешно сдала и теорию, и практику по всем предметам, включая искусство обольщения. Но это не значило бы ничего, если бы тогда же мне сказочно не повезло с работой. Еще одно светлое пятно из прошлого...

Мой шеф, Олег, сорокапятилетний седоватый предприниматель, кореец по национальности, а в жизни – просто большой умница сразу разглядел мою потаенную суть. Его привлекли и врожденная преданность, и знания, и моя болезненная потребность старательно выполнять должностные обязанности. Он высоко оценил мою работоспособность и сделал из меня настоящего профессионала. Я стала его заместителем по всем скучным, на его взгляд, вопросам, включая переговоры с иностранцами. Благодаря его бизнесу, вскоре, меня знал уже весь город. Я разъезжала на служебном «Форде», курила дорогие сигареты и одевалась в элитных, еще только появившихся, так называемых «комках».

Правда, здесь было одно большое «но». Теперь мне приходилось много работать, и я почти не видела свою любимую доченьку. Мы очень скучали друг без друга, до боли, до слез! Она росла диким полевым цветочком в обстановке, оставлявшей желать лучшего. Мать неудержимо сетовала на трудности, связанные с «домашними хлопотами» и с Машей. И в каждом нашем разговоре на повышенных тонах, где-то между строк маминих вибрирующих реплик, я явственно читала ее беспредельную зависть к моим нарастающим материальным благам...

Мама уже тогда в одиночку начала попивать недорогое марочное сухое вино, в основном за мой счет. Возвращаясь поздними вечерами, я, почти всегда, видела одну и ту же без-

дарную картину руки неизвестного мастера: поддатая мама, а рядом с ней моя доченька в колготках, повисших на коленках и в грязном халатике. Мама немедленно-услужливо предлагала мне холодного пойла, чтобы, тем самым, уровнять наше с ней мировоззрение. И в те же далекие годы я начала иногда соглашаться на эти, сомнительной выгоды, предложения. Огромная видимая разница между моим жилищем и офисом, откуда я только что пришла, не давала мне уже ни спать, ни, собственно, жить.

Глава 2

Я упрямо шла вперед. Казалось, никто и ничто не смогли бы остановить меня на этом пути. И вот, однажды, после проведения очередных успешных переговоров с англо-говорящими французами на уровне Министерства Иностранных Дел, совершенно неожиданно, на мой рабочий стол легла премия, выраженная в зеленых стодолларовых купюрах. Очень большая премия, та, о которой я даже не смела мечтать...

– Я знаю, что у тебя проблемы с квартирой. Купи ее! – тихо сказал мне шеф, – Ты это заслужила.

– Уфф... – только и прошептала я.

Прознав про мою царскую премию, мама быстро сообразила, что теперь она может получить не только свободу от внучки, но и продать квартиру, разделить деньги с отцом. А дальше... просто уехать в Россию, куда медленной рекой потекли вся и все. Чтобы устроиться в России ей были нужны серьезные деньги. Мама сноровисто подыскала мне вариант другого жилья, цена которого соответствовала полученной мною премии. Рожденная в Китае, в русской семье посольского водителя, она обладала непобедимым, неоправданным оптимизмом этого жилистого народа.

Далее, без особых церемоний, она выкрала мой паспорт и за умеренную взятку выпишала меня из отчего дома вместе с внучкой, чтобы мы ни в коем случае не помешали при продаже, оформлении документов и дележе средств...

И все бы ничего. Но эту большую, престижную квартиру папа и мама получили когда-то только потому, что у них родилась дочь. То есть я.

Ничуть не печалась о нашей судьбе, родители мирно разделили деньги, согласно причитающимся им метрам. Мама, конечно, получила больше, ведь мы занимали там целый зал!

А вот успех этого мероприятия маму угораздило отпраздновать именно со мной. Она не сказала прости, или на худой конец – спасибо. Двести долларов – это все, что осталось после нее... Нет, я не обиделась. Я просто запомнила. В результате этого «мирного» сотрясения воздуха, всего через три с небольшим недели, мы с дочкой уже занимали собственную двухкомнатную квартиру с огромным балконом, на четвертом этаже. Повсюду, куда хватало глаз, царил хаос переезда. Ах, как мы были тогда счастливы вопреки всему!

Ситуация резко пошатнулась, когда из Ташкента хлынула первая серьезная волна эмигрантов. Вместе с ними стали собираться и мои коллеги – евреи Вениамин и Саша. Заметно нервничал Олег, потому что правительство перекрыло многие каналы по внешним экономическим связям и заморозило его валютные банковские счета. Мы сидели, словно на пороховой бочке и было уже понятно, что былого величия Фирма не обретет никогда. Олег посматривал в сторону Канады. Остальные – кто куда. Мои услуги становились все менее востребованными. От злости меня подмывало язвить и канючить. Но никто не обращал на меня внимания. В один из особо никчемных дней, неожиданно для всех и для себя самой я ушла из Фирмы, не вдаваясь в долгие объяснения, даже не получив расчета и последнего дружеского «Прощай!» Ушла в никуда... Я не захотела ждать, когда корабль окончательно потонет и раздавит меня.

К этому времени, мама уехала в Россию. А именно, в город Воронеж.

А мне все хотелось верить, что это кажется или снится. Кажется, что нет рядом непутевой мамы, нет работы, зарплаты, друзей. Кажется, что я спиваюсь и падаю в черную пропасть, из которой с таким трудом выбиралась на свет... Снится эта огромная пустеющая квартира и жалкие остатки средств на банковском счету. Мучительно-реальным оставалось только лицо моей дочери, которая совсем недавно отправилась в первый класс. И от моей тоски, и от моей подавленности, лицо это выражало недетское, нечеловеческое страдание. Я

смотрела в ее любимые глаза до головокружения, до болезненных спазмов в висках и судорожно искала выход обратно, наверх. Ташкент угрюмо молчал. Пустели квартиры, уезжали люди. Чужие, свои, разные. Последняя из подруг, улетев в Израиль, словно нанесла травму, несовместимую с жизнью. Кульминацией происходящего стал новый закон, который требовал обязательного изучения узбекского языка при любом трудоустройстве... В то время я уже стабильно пила, по поводу и без. Деньги постепенно обретали иной, важный смысл. Их теперь требовалось совсем немного – только на еду и выпивку. Но и эта сумма вскоре оказалась для меня проблематичной. В моей квартире было полно всякой всячины. Продавая вещь за вещь, я прожила безбедно еще полгода. Попытка торговли на рынке в качестве предпринимателя закончилась для меня полным провалом. А лифчики и трусы с последнего закупа до сих пор лежат где-то в коробке, в дальнем пыльном углу...

Найти любую работу было чрезвычайно сложно. Я пила все больше, прекрасно понимая, что совершаю ужасную глупость. Я была из серии стыдливых алкоголиков, которые пьют втихаря, тайно надеясь, что никто этого вовсе не замечает. И от этого стыда за вчерашнее – наутро становилось хуже вдвойне, правда лишь до первой или второй рюмки, услужливо поднесенной сердобольным кем-то... В тот же период я внезапно обзавелась молодым мужем Андреем, который и помог мне продержаться на плаву еще несколько месяцев.

Совість прогрызла во мне черную дыру, страшный Бермудский треугольник! И, запутавшись в мыслях, делах, проходимцах, окруживших меня плотным кольцом, я решила уехать, уехать к маме, еще не зная тогда, насколько остро и больно ударит меня квартирный вопрос в холодной, безжалостной России. Он станет краеугольным камнем всех моих будущих проблем, уже стоящих на пороге.

Это надо пережить, осмыслить, ощутить, выстрадать, понять, чтобы потом сказать: «Нет ничего ужаснее, чем человек без Родины, без отчего дома, один на один с судьбой, без поддержки и без будущего...»

Глава 3

Горюшко ты мое, горе...

...Квартира была продана моментально. Три шустрых посредника, один из которых оказался расторопнее остальных, хаотично приводили массу клиентов, и сделка в итоге состоялась. После небольших коридорных разборок посредник отбил свою сумму у покупателя и был таков.

Я снова держала в руках конверт с пачкой банкнот, данных мне когда-то шефом, но умноженных на три и не чувствовала себя богатым человеком. Протрезвевшей головой я понимала, что это последнее, что у меня есть и вряд ли еще когда-то будет...

На наши полувоенные сборы из России приехала мама, как старший консультант по выезду, и мы начали свой долгий мрачный этап восхождения на Голгофу... Купюры из конверта, полученные за квартиру, начали таять в тот же вечер. Для начала, мы с мамой «обмыли» событие, но не второпях, как раньше, а с чувством, со смыслом и даже с тостами. Стол изобилдовал продуктами, напитками и сладостями для моей малышки, чего мы давно не могли себе позволить. Мы впускали подошедшую вплотную проблему широко, по-царски, распахнув ей свои объятия и все лабиринты запутавшихся душ.

С каждой выпитой рюмкой я ощущала, что глобальность проблемы сильно преувеличена, а сам переезд превращается в некую мирную, добровольную затею. Машка аппетитно причмокивала пухлыми губами, старательно поела шоколад, я мешала водку с шампанским под звуки избранных баллад «Скорпионс», мамуля почти дремала в кресле, перегруженная спиртным и мясом.

Наутро мы все чинно восседали на таможне перед мордатым узбеком и пытались заказать контейнер, который, возможно, и доедет до России через один-два месяца. Было такое ощущение, что его отправляли в путь пешком.

По важности и молчаливости этот момент можно соотнести лишь с моментом получения упомянутого контейнера через тридцать пять дней на одной из промежуточных грузовых станций города Воронеж.

В итоге переговоров двести долларов и сто сверху ушло на прочный железный ящик, способный вместить пять тонн моего нажитого имущества.

* * *

Вообще, я человек аккуратный, и любое дело, благое и не очень, я стараюсь выполнять с особым, болезненным педантизмом. Вот почему, мы, обреченно-тщательно, упаковали все вещи коробочка к коробочке, шкафчик к креслу, тумбочку к дивану и с большим трудом упорядочили все это в поданный прямо к подъезду контейнер. Каково же было мое неподдельное удивление, когда на таможенной станции, перед тем, как опечатать двери железного ящика, его вновь открыли и начали выгружать содержимое обратно, прямо на платформу, под лапы таможенных собак... Это был тот самый первый раз, когда я заплакала на пути в далекую Россию. Справные молодцы взрезали ножами веревки и скотч на коробках, упрямо выскивали оружие, или, на худой конец, наркотики. Они грубо переворачивали книги и вещи, часть которых падала на грязный бетон. И вот, когда я увидела дочкины бусики, порванные и беззащитно разлетевшиеся по платформе под сапоги алчных таможенных офицеров, я прокляла ту страну, где прошло все мое детство и часть сознательной взрослой жизни. Я поняла, что больше никогда не вернусь туда, не увижу легкое, волшебное марево теплого ташкентского утра, даже если эта страна окажется единственной на карте Мира.

По дороге в пустой дом, где нам оставалось провести последнюю ночь на оставленном, старом, никому не нужном диване, я уже не плакала. Мои глаза заволокло пеленой страха перед неизбежностью чего-то, неизвестного нам... Мы вновь выпили вина, но это уже больше походило на поминки сразу после похорон. Никого и ничего не было вокруг, лишь безжалостный, бесконечный космос мерцал в распахнутые окна холодными яркими звездами.

У нас была собака, большой доберман, которого мы тоже повезли с собой, ибо собака эта являлась частью нашей семьи. Так поступали многие вынужденные переселенцы, ведь у каждого второго обязательно существовал домашний питомец. Я аккуратно оформила все пьесы справки и документы, купила билеты и намордник, но при входе в вагон, когда я уже занесла ногу над высокой подножкой, над моим ухом раздалось безжалостно-дразнящее:

– С собакой нельзя! – в исполнении двух проводников узбека и узбечки, видимо, мужа и жены.

Они смотрели на меня с таким равнодушием, что от страха не попасть на этот поезд, волосы зашевелились на моей голове. Стоимость проводников я мгновенно определила в двадцать долларов, которые они с любовью сунули в грязный карман. После чего «с собакой» сразу стало можно.

Мы заранее выкупили четыре спальных места, полное купе, чтобы никому не мешать своим табором. Когда мы разместились, мама выбежала на темный перрон за запасами воды и сигарет. Внезапно дверь купе отворилась, и мы увидели новое действующее лицо узбекской национальности, представившееся таможенником.

– Чья собака? – глупо спросил он.

– У меня есть билет и справки, – пролепетала я, уже понимая, что сарафанное радио разнесло слух о моей сказочной щедрости.

– Или ты даешь мне сейчас сто баксов, или я выброшу твои вещи на улицу, будешь тут сидеть до завтра, пока проверят все документы!

Он шутил! Он не имел права! Он блефовал!

Мы смотрели на него втроем беспомощные и жалкие, нищие переселенцы, покидающие территорию своей и его родины не по нашей вине. Собака, привязанная под столиком, приглушенно рычала, но таможенник даже не догадывался, на что она была способна, сделав ставку на хлипкий кожаный поводок. Дочурка порывисто вздохнула и перевела взгляд на меня.

– У меня мама на перроне, все деньги у нее, – ответила я, пытаюсь спасти ситуацию.

– Не п..... Давай деньги!

И я отдала ему сто долларов, самую мелкую свою купюру, чтобы больше никогда не видеть ни его, ни его земляков, ни этого тупого безразличия в глазах. Я была не просто напугана, это была уже паника. Он моментально исчез, а вернувшаяся через минуту мама закатила мне такую истерику, что я поняла – я не того боялась. Меня бессовестно надули первый раз в жизни! «Продавшие» меня проводники, узнав об этой истории, так искренне смеялись, что я снова заплакала, уткнувшись лицом в холку любимой собаки. Далее. С точки зрения все тех же проводников, одно выкупленное пустое место в нашем купе смотрелось неестественно глупо при полном отсутствии билетов в железнодорожных кассах. Оно буквально мешало им думать о чем-то другом, и в результате упорной словесной перепалки к нам был посажен некто пятый в вонючих носках, которые свисали с верхней полки больше половины пути. Этот некто обогатил проводников еще на полтинник. Таким образом, мы стали самыми прибыльными пассажирами в вагоне...

Глава 4

Трое с половиной суток сорокаградусного качающегося ада... И я уже не понимала – кто мы и зачем мы здесь? Пот и слезы моей дочки смешивались в одно целое на чумазой мордашке. Измученный взгляд преданной собаки, привязанной под столиком, напоминал мой собственный. Собака не ела и не пила на протяжении всего пути, чем довела меня до безмолвного отчаяния. Я одеревенела.

Мама хаотично металась по вагону и по всему поезду, пытаясь решить хоть что-то с едой или питьем для всех нас. Она выпрыгивала на больших станциях в погоне за арбузами или пирожками, и мне все время казалось, что она непременно отстанет от поезда, а мы останемся совершенно одни в этой грязной бурлящей клоаке торгашей и подозрительного вида бродяг. Поезд уже начинал плавное движение, а я, не мигая, смотрела в сторону тамбура из полуоткрытой двери купе, но после того, как надежда моя умирала, мама всегда появлялась, шла бодрой, покачивающейся, морячкой походкой, весело размахивая своей добычей.

Но главным в поезде являлась не еда, а безопасность. В хлипкие двери нашего купе постоянно вламывались какие-то люди, но собака яростно пресекала все чужеродные попытки. Без нее мы вряд ли бы доехали до пункта Б без ощутимых потерь.

Я уже не могла сидеть, не могла стоять, не могла взять на руки дочь, потому что сорокаградусная жара не позволяла сделать этого. Мы мочили серые вагонные простыни в теплой затхлой воде, взятой у проводников, и без конца вытирали друг другу тела. Я не могла даже выйти покурить, потому что на первом же перекуре ко мне привязался неблаговидный узбек с весьма откровенным предложением и, получив такой же откровенный отказ, пообещал немедленно скинуть меня с поезда. Снова выручила верная собака, вышедшая покурить вместе со мной... А скинуть с поезда было действительно крайне просто – оконных стекол в тамбуре не было.

К завершению третьих суток никто из нас не хотел жить. Но за все «было уплачено», и мы продолжали двигаться к намеченной цели... Четверо пилигримов, четыре песчинки в огромной человеческой пустыне... А поезд все шел...

До переезда в Россию и после него – это две отдельные половины одной не придуманной жизни. Здесь изменились все мои ценности и я была вынуждена принять правила навязанной игры.

И первое же правило ошеломило меня... Люди здесь измерялись наличием обязательных квадратных метров жилой площади на душу населения. Люди дрались за это всю свою жизнь. Приобретенное возводилось в разряд культа, никому не отдавалось до самой смерти и хранилось сто лет. Только при наличии этого меня могли бы принять здесь за нормального человека. Второе правило гласило – прописка...

Выросшая на ровной ниве советского пространства, где каждый получал квартиру в порядке недолгой живой очереди, я не могла осмыслить такого ажиотажа. Глупая, наивная, открытая всем ветрам и ударам судьбы я сошла на платформу воронежского вокзала, и затхлый ночной чужой воздух неприятно резанул ноздри.

Мамина квартира, которую она снимала в Воронеже, оказалась слишком мала для четверых переселенцев, а сам город – неприветливым и дорогим. Поначалу, мы строили планы о переезде на другую, менее тесную квартиру, отстаивали длинные очереди в миграционной службе, выслушивали толки о трудном российском житье-бытье от земляков, встреченных там же. Мы устали сразу и друг от друга, и от непонимания всего, происходящего вокруг. Мы осознали, что мы здесь попросту чужие и никогда, никогда они не примут нас за своих... Только такие отчаянные женщины, как мама и я, могли рискнуть в одиночку отправиться

в другую страну на поиск призрачного счастья. Но нас нельзя было напугать. Нас можно было только убить.

После огромного сытого Ташкента вся Россия показалась нам скопищем маленьких, разбросанных тут и там, государств в государстве. От отчаяния мы решили уехать. Здесь же, неподалеку – несколько часов на перекладных в сторону затерянного районного центра. И все по одной очень веской, на мой взгляд, причине...

Дело в том, что в далеком прошлом, еще не расставшись с мужем и будучи беспечно молодой, я неосторожно имела связь с его лучшим другом, Олегом. Таким гениально-простым способом я «отблагодарила» мужа за его измены.

Этот далекий, слегка запылившийся, треугольник с годами не совсем распался. Муж, Юра, уехал в Ульяновск вместе с женой того самого Олега, сам Олег проживал в Н, куда мы теперь наметились переезжать. По иронии судьбы, Воронеж отстоял всего в ста километрах от Н и в нескольких сотнях верст от любимого когда-то мужа Юрки.

Тогда, давным-давно, Олег очень любил меня и даже оставил ради этого жену с двумя детьми, которую вертко подобрал мой бывший муж Юра... В итоге я не выбрала никого, остальные участники событий были унесены ветром, как им думалось: подальше от меня. Но теперь-то я была рядом! И, безусловно, я очень хотела их видеть. Ну, хотя бы кого-то одного. Стоит лишь добавить, какое сильное впечатление осталось у меня от тех событий, если я поехала навстречу неизвестности с наивно распахнутой одинокой душой! Ведь за все эти годы мы не обменялись ни единой строчкой! Год одна тысяча девятьсот девяносто шестой: пока еще нет Интернета, социальных сетей, сотовой связи...

Дура! Трижды дура... Но, иначе это была бы не я!

Глава 5

Да, вот он – Олег.

Высокий спортсмен, бритый наголо с безумно красивым телом и глазами. Все тот же Олег, идущий по жизни на контрасте силы и нежности. Он пожалеет меня, прижмет к себе! Всю, как есть, со всеми моими бедами и печальями. Примет, обнимет, закроет ото всех своей широкой спиной, и в моей жизни наступят, наконец, мир и покой. К финалу своих размышлений я додумалась уже до того, что он преданно ждет меня все эти годы (более пяти лет) и, увидев, обрадуется мне несказанно. Задумано – сделано.

Я отправила маму в быструю командировку до города Н. и обратно. Мама тогда была еще веселой и легкой на подъем... Тем же вечером, перед нами на столе лежал краткий и беспроегрышный план переезда. Мама привезла несколько адресов квартир, сдаваемых по вполне приемлемым ценам. Нам осталось лишь получить контейнер на пригородной станции и двигаться дальше – в Н.

Я хорошо помню, что в тот период меня абсолютно не интересовало наше будущее. Я буквально принималась к новой России, ибо она совершенно не походила на прежнюю, в которой я когда-то училась. Легко выстраивались планы, легко рушились. Деньги, привезенные мной, здесь совсем не были деньгами. Они незаметно таяли из конверта, делая его все более невесомым, а я даже не трудилась их пересчитывать. Мне было настолько все равно, что сейчас я ужасаюсь тому своему состоянию. Я была то ли всегда пьяна, то ли беспричинно счастлива, то ли тихо помешана от такого поворота событий.

Мне не нравилась та правда, что я растеряна и абсолютно сбита с толку. Моя бравада и весь внешний антураж лишь скрывали животный панический страх перед неизвестностью. Я точно знала, что денег остается мало, и даже примерно знала, когда они совершенно закончатся. Для этого их не требовалось пересчитывать. Но я не хотела думать об этом.

Мы ждали контейнер, нам больше некуда было торопиться, ибо мы были на месте. Мама оформляла свой официальный перевод по работе из Воронежа в Н., чтобы не остаться там на произволе судьбы.

Я спокойно-осознанно понимала, что еще долго не найду в России ни своего места, ни работы, ни новых друзей. Еще долго я не смогу обрести собственной крыши над головой и, наконец, счастья. Мне оставалось только наблюдать, делать или не делать выводов, искать ответы на поставленные вопросы и не находить ничего. Только зияющая черная пустота вместо дороги в будущее. Мне оставалось лишь горько пить, бояться протрезветь и вновь натолкнуться на груды проблем, решать которые я попросту не хотела. Моя внутренняя сила словно уснула во мне до рассвета, а рассвет все медлил со своим приходом. И даже Олег, к которому я так стремилась, был нужен мне вовсе не для совместного счастья, а для рывка, как призыв к действию, а проще – судьбоносный пинок.

Жизнь должна иметь веские основания... Из таковых у меня была только дочь.

Когда я выпивала, обстоятельства уже не казались мне такими мрачными, а все далекое становилось близким и понятным. Именно в таком состоянии я находила взаимопонимание с родной мамой. Она во всем поддерживала и одобряла меня, ведь она тоже выпивала. Мы даже дружили и строили планы. Но утром, когда мир представал в еще сером, но уже неприятно-реальном измерении, мама становилась воинствующей и суетливой. Она не давала опомниться, прийти в себя, отнимала похмельное вино и убеждала меня в моей придурковатости. Мне же хотелось белого флага, маленькой иллюзии перемирия, отсутствия скандалов, отсутствия, собственно, ее самой и проблем, связанных с нею.

Еще долго-долго все будет так и не иначе. Я буду закрывать глаза, отворачиваться к стене и молить Бога об избавлении от чего-то без названия.

Вот снова дождь. Я хорошо помню эти оглушительные внезапные летние дожди того лета. По невероятно синему небу сначала набегали небольшие пушистые облака, они становились все объемнее и кучнее, потом, вдруг, одно из них соединялось с другим и, обнявшись, они проливали на землю беспричинные, звонкие слезы. Так же внезапно из-за кулис выстреливало солнце точным острым лучом, метило в глаза, лицо, руки. Я сладко зажмуривалась, потому что с высоты шестого этажа я могла отчетливо видеть радугу. И тут же сразу мысль – вот оно, невесомое счастье. Все мы люди, и каждому должно быть определено место под солнцем.

Тут и там появлялись ухажеры или попросту собутыльники. Россия оказалась страной непобедимых оптимистов и халявщиков, что стало для меня неприятно-диким откровением. Мужчины запросто выпивали за мой счет, иногда не благодаря, и даже не прощаясь. В Ташкенте такое вообще не представлялось возможным. Причем, пили абсолютно все, не скрывая и не стесняясь. У меня складывалось такое ощущение, что я вращаюсь в черно-белом калейдоскопе и уже не по спирали, а по кругу. Круг плавно переходит в мертвую петлю, из которой вытаскивает спасительная утренняя бутылка, принесенная кем-то за мой счет.

Я, конечно, общалась не с теми людьми, жила не там и не так. Но это были самые обычные люди, соседи по дому, мамыны сотрудники, моя нация, к которой я приехала, чтобы спасти свою дочь и себя от жестокого произвола бывшей Родины. Я не могла всерьез критиковать их, ведь мне предстояло теперь жить с ними, среди них и точь-в-точь, как они. Я была благодарна им за любое внимание. Фраза «чужой среди своих» здесь пришлась бы абсолютно к месту, или родилась, если бы еще не существовала. На счастье или на беду в моей голове аккуратными стопками все еще складировались прочитанные сочинения классиков русской и зарубежной литературы, среди которых особняком стояла Маргарет Митчелл и ее «Унесенные ветром». Чем дальше я продвигалась по явно ложному пути, тем больше понимала, что такие книги нельзя было придумать. Я крепко «взяла» за руку Скарлетт О'Хара, говоря себе, что и у меня тоже все получится! Вот откуда брались эти регулярные пьянки? После «первой» казалось, что мир вздрогнул и повернулся на сто восемьдесят градусов. Люди становились близкими и подозрительно понятливыми. А после «четвертой» почти всегда возникали разногласия по поводу внутренней политики или безответной любви.

Я быстро полюбила пить одна, сидя перед телевизором, ставя бутылку возле кресла, беседуя сама с собой и наблюдая решение глобальных проблем в собственной голове. Потом появилось и еще одно правило – идти за второй бутылкой до того, как закончится первая, и ноги откажут повиноваться. Но пьянела я медленно, оттягивая факт окончательного отупения, никогда и нигде не падала лицом в грязь в прямом или переносном смысле этого слова. Мое персональное ощущение самой себя было настолько глубоким и возвышенным, что я даже не давала себе труда задуматься о том впечатлении, которое произвожу на окружающих меня людей. Они видели лишь верхнюю часть айсберга. И теперь я понимаю, что она была неприглядна, отвратительна. Я могла вызывать у них только два чувства: омерзение или жалость, одно из которых никак не исключало другого. Но, даже засыпая в пьяной безмятежности, я всегда помнила и знала одно – я не такая, как все и у меня все обязательно получится!

Глава 6

Ну, кто они были, первые люди, встретившие меня здесь? Мамин сосед Василий, женатый мужчина, бывший летчик, который в свободное «ухлестывал» за мамой, побаиваясь сплетен и справедливого гнева своей супруги. Его друг Женя, тоже летчик и тоже женатый, который по жребию судьбы выпал для компании мне. Просто знакомая – тетя Шура, прожившая всю жизнь честным трудом, накопившая некий скарб и теперь имеющая все, что должен иметь нормальный человек. Еще люди, знакомые этих знакомых, приходившие на нас просто посмотреть. Мы были для них как заграничная диковинка. Пришедшие ниоткуда, не имеющие ничего, рассуждающие о чести и не умеющие жить...

Женя все время норовил ухватить меня за любую часть тела, намекал на большую внезапную любовь, ословело хлопал ресницами и рассказывал истории своего вертолетного прошлого. Он пил за мой счет, он оставался ночевать в коридоре на коврике, он обещал остаться со мной на всю жизнь, а утром, стыдливо морщась, приглаживал растрепанные волосы и, если продолжение банкета откладывалось, то неуклюже, как подбитый вертолет, вышмыгивал в открытую дверь к нелюбимой и ненавистной жене. Он был виновен по всем пунктам, но я разговаривала с ним, я выпускала его в наш шатающийся мир, потому что у него тоже болела душа, правда в отличии от нас не от неустроенности в жизни и отсутствия материальных благ, а от пресыщенности последними, свалившимися ему на голову в наследство от доброй тещи и от одиночества...

* * *

Женя и мамин ухажер не чаяли в нас души, ведь мы были умницами и красавицами. Мы и сами так думали...

Дальше был миграционный центр. Мы не всегда проводили время в душещипательных беседах. С утра, как обычно, мама призывала меня к действиям. На нас легла прорва бумажной волокиты, без выполнения которой мы не могли спокойно жить в новой России.

Отстаивая в огромных очередях, чужие среди своих, мы быстро поняли, что нам здесь «не светит». Люди встречались самые-самые разные. Здесь были и великолепные красавицы с мамами и папами, приехавшие, как я, устраивать свою жизнь на чужой территории. Были и устоявшиеся семейные пары, накопившие что-то, потерявшие все по пути, и тщетно ждущие чуда, наподобие меня.

Я казалась себе их символом, потому что уже «уперлась лбом» во все возможные проблемы, которые их пока еще даже не коснулись, и, наверное, могла бы возглавить общественное движение вынужденных переселенцев в масштабе целого региона, но вместо этого я покорно стояла и тупо смотрела в стену перед собой. Я была заранее всем благодарна и уже ничего не хотела...

* * *

– У вас есть прописка?

Этот вопрос я услышу не раз и не два.

Этот вопрос мне будут задавать всегда, везде, при каждом удобном случае, как только увидят мой паспорт с четырьмя буквами СССР. Я услышу его при устройстве на работу, при попытке получить детское пособие, при постановке на учет на бирже труда и, конечно, при попытке получить денежную компенсацию, положенную мне по праву от государства,

в которое я привезла свою дочь. Мой ответ будет всегда разным. Прописка у меня будет то временной, то постоянной, то ее не будет вовсе, и неизменно, за каждым положительным ответом спрячется целая история о том, с какими усилиями я получила ее в очередной раз.

Здесь и сейчас, в скорбной миграционной очереди, а потом и в кабинете у зажавшегося чиновника, бесстыдно ворующего и списывающего немалые компенсации с «помощью» таких неудачников как я, мой ответ будет «Нет». Он мило улыбнется, поставит галочку напротив моей труднопроизносимой фамилии с историческими горьковскими корнями, и тихо скажет:

– Нет прописки – нет денег. Приходите после оформления документов, я поставлю вас на очередь для получения льгот.

– А сколько можно прождать эти льготы? Они подлежат индексации?

– Ждать надо два-три года, а про индексацию нам пока ничего не известно. Деньги вам будут выделены для покупки жилья в России, вы их получите перечислением на ваш счет – сумму с учетом состава вашей состав семьи: два человека, вы и дочь.

Я уже шла по коридору, а вслед мне все летели его слова: «Вы должны, вы не можете, вы получите, вы не получите...» Следом бежала мама, выкрикивая мне в спину матерные упреки в моей собственной несчастливой, глупой судьбе...

А когда я вышла на улицу, под ослепительно-яркий свет летнего солнца, когда, не спеша, закурила дорогую (пока еще) сигарету, я сразу поняла: «Я никому не нужна!» Все, чего я хочу добиться здесь, я должна добиваться только сама. Выбора мне не дадут. Я поняла, что попала в комнату, из которой очень трудно найти выход, но выход будет мною найден. Я взяла на руки свою маленькую шестилетнюю дочь, крепко прижала ее к себе, словно прося прощения за все, что еще произойдет с нами перед тем, как...

Может быть, многовато пафоса или я все усложняю? Но тогда, выйдя из миграционного заведения, я поняла, что получить льготы будет гораздо труднее, чем попасть в Африку или на Луну. Я сразу, немедленно, прямо на крыльце, отбросила эти мысли и никогда больше к ним не возвращалась. Я никогда не надеялась на эти деньги, которые в итоге получили все, кроме меня. Мой миграционный стаж и мой миграционный позор исчерпали себя через пять лет после пересечения Российской государственной границы. Я никогда и никому об этом не говорила, никогда ничего не просила, а лишь покорно молчала, если разговор касался вдруг этой опасной и весьма неприятной темы...

Глава 7

Мы просто выпивали с летчиками, когда мама принесла небольшую серенькую квитанцию из почтового ящика: наш предварительный «приговор и постановление» о немедленном переезде в Н. Короче говоря, приехал наш контейнер...

Что ж, пора прощаться... Немедленно стало грустно. Ребята мужественно вызвались помочь нам с отгрузкой, а мы посчитали невежливым отказаться. Вот как это было...

Мама сразу заказала большой МАЗ, чтобы вещи из контейнера попали в Н. вместе с нами. Все хлопоты должны были уложиться в один день. Получение, погрузка, переезд, аренда другого жилья – и совершенно другой адрес поутру. В общем, все, как мы «любили». Трудно, экстремально, невыполнимо. Но у нас все получилось. Просто, по-другому было нельзя. За неполученный контейнер шли штрафные пени, и они, судя по всему, были немалыми, если мама так раскрутила события. Она у нас была идейным вождем. Стояла небывалая июльская жара. Мы обливались потом на воронежской контейнерной станции в ожидании своего часа, а в кабине МАЗа обливался потом водитель, снова Василий, высокий молодой человек, положивший на меня глаз, чем вызывал страшную ревность у летчика Евгения, стремительно уходящего в прошлое. И вот, наконец, суровая таможня «дала добро» на самовывоз нажитого мною имущества.

Когда «волшебные», проржавевшие в пределах нормы, дверки контейнера отворились, я неслышно охнула, ибо все, что находилось внутри, стало совершенно непригодным для использования. Вымытый мною прибалтийский кухонный гарнитур, вычищенная мягкая мебель производства Беларусь, пакеты и коробки с вещами, уже не помнимыми мной: все находилось в плачевном, стыдном, неприглядном состоянии. Я помню, как мне стало неловко перед моими молчаливыми собутыльниками за всю убогость представшей взору картины. Пауза, пожалуй, слегка затянулась, я умоляюще посмотрела на маму, и та приняла мой взгляд, как призыв к действию.

– Ну, мальчики, за дело! А то водочка прокиснет!

«Мальчики» не заставили просить себя дважды. Василий из МАЗа дал прицельный задний ход, и мои шмотки, а отныне – шабалы – полетели из одной тары в другую.

Если честно, хотелось бросить все прямо там, под палящими июльскими лучами. Не помнить, не видеть, не знать. Но за все «было заплачено», и караван продолжал идти в направлении, указанном перстом судьбы. Женька внезапно застыл, держа в руках какую-то книжицу, выпавшую из общей массы предметов. Это была книга Марины Влади «Владимир, или прерванный полет».

– Можно, я возьму ее себе? – спросил он умоляюще-жалостно.

– Да, возьми, конечно. На память...

У меня не было причин не уважать его последнего желания. Ведь мы расставались навсегда.

– Ой, а мне нечего тебе дать!

– Не надо, Женя, – усмехнулась я. – Я и так тебя никогда не забуду.

И это оказалось правдой...

Все.

Мы уехали, оставив на раскаленном бетоне контейнерной станции двоих людей странно-печального вида с початой бутылкой водки и книжицей в руках. И, оглянувшись, я всерьез поверила в искренность их печали...

...Но водитель по имени Василий не позволил разлиться моей грусти дальше объездной воронежской дороги. Он был уверенным и добрым малым. Ему даже не приходило в голову, что он может кому-то не понравиться.

Для переезда я была одета, пожалуй, слишком шикарно: накладной каштановый хвост, атласная кремовая блуза и трикотажные, бежевые брючки. Внутренне я была готова к потере этой части гардероба, а потому, несколько свежих пятен солидола на моей попе, ничуть меня не расстроили. Я решила так – если уж у меня ничего нет, то я выиграю эту войну хотя бы внешностью, ну, на крайний случай, интеллектом. И в этом был свой резон. Смелостью города брали.

Доехали мы без проблем или приключений. Василий вел медленно, дабы не растрясти груз. По-пути несколько раз останавливались и даже нелегально набрали кукурузы с огромной неохраняемой плантации. Особенно это понравилось моей дочери. Она так заливисто хохотала среди высоких стеблей и так упрямо тянула початки, силясь оторвать их своими маленькими ручками, что я не выдержала, схватила ее в охапку и подумала: «Все получится. Непременно получится, пока мы вместе!»

Только вот – что получится? Мне никак не удавалось оформить свою просьбу к небесам в одном осмысленном предложении. Чего я все время хотела? Боюсь, чего хотела, то и получала. И не на что жаловаться!

Мы приехали в Н., когда солнце уже клонилось к закату. Чем ближе становилось неизвестное, тем грустнее становились и наши лица. Я никогда не жила в русской деревне, кроме как в детстве, из которого мало что помню. Моя бабушка доила коров под Горьким, в далеком селе Сява, а я, маленькая, искусанная комарами девчушка, переживала там свое очередное лето. Это все, что я знала о бабушке и о деревне...

Н. громко именовался городом, но от города ему досталось лишь несколько фонарей, несколько трехэтажных домов и пара заасфальтированных улиц. Я угрюмо молчала все время, пока мы петляли по узким улочкам в поисках нужного адреса. Мне было совершенно нечего сказать, хотя, временами я зажмуривалась и пыталась чем-то восхищаться, чтобы ободрить присутствующих. Но, по-моему, всем было все равно. Дочь была еще слишком мала, чтобы выбирать из предложенных вариантов, а мама была настолько оптимисткой, что уговаривать долго ее никогда не приходилось. Выходит, грустила я одна. Но это была целиком моя идея: прикатить сюда всем семейством в поисках великой любви и женского счастья.

В итоге мы отыскали нужную нам улицу с весьма подходящим названием: имени Спартака. Это был великий человек! В спартанских же условиях мы начинали траекторию нашего бреющего полета над российской равниной.

Разгружаться пришлось долго. Василий заявил, что «грузчиком нам не нанимался» (хотя истинная причина была в моей холодности), а соседей-здоровяков найти оказалось непросто. Но мы нашли, и через пару часов все пять тонн нашего имущества были перемещены в отдельно стоящую летнюю кухню, которую арендовала мама в период своей недавней быстрой командировки. Все, что не вошло внутрь, было просто брошено во дворе до лучших времен.

Это был маленький, чистенький, светлый домик, похожий на вагончик. Он состоял из двух комнат и кухни, которая являлась так же коридором или тамбуром. В домике было два окна и две двери – одна во двор, другая на огород, никакого водопровода и вообще никаких удобств. В простенке была оборудована печька.

Домик уютился на задах главного жилого дома, в котором, однако, вовсе никто и не жил. Высокий коричневый непроницаемый забор монументально окружал этот архитектурный ансамбль. Мы являлись полными собственниками этой территории на весь период аренды. Я, Багратионом, с нескрываемым отвращением, оглядывала все это. В заборе слева виднелась перспективная огромная дыра, ведущая во двор к соседям, там же был колодец. Из окон соседского двухэтажного дома за нами уже наблюдали с превеликим удовольствием и любопытством. Дом этот был многоквартирным, соседей оказалось много. «Неуязвимые» со стороны улицы, мы были как на ладони для живущих слева от нас. Незаметно сгустилась

тьма. Она поглотила собою и МАЗ, и соседей в окнах, и название улицы, и даже номер дома, ставшего нашим приютом в эту ночь. И вот тогда я увидела настоящие, огромные блестящие звезды. Они нависли над самой крышей, они заглядывали в глаза, в душу, в нашу жизнь, они светили из прошлого в будущее теплым золотым веселым светом, переливались млечным мостом. И я подумала: «А все не так уж и плохо».

К тому времени мы уже выпили по чуть-чуть вместе с мамой, Василием и доброй соседкой, тетей Шурой, подсуетившейся с картошкой и огурчиками.

И это тепло чужих, в общем-то, людей, и этот свет чужих, в общем -то, звезд, и музыка из нашего, чудом не разбившегося, магнитофона, все это поднялось ввысь, слегка качнулось и убаюкало меня удивительным, забытым покоем. Рука Василия уже лежала у меня на плече. Он бережно заглядывал мне в глаза и заботливо подливал любимого напитка (водочки) в опустевший стакан. Он имел право на надежду. Я имела полное право на отказ. Но никто ни на кого не обиделся в ту ночь. Мы допили, доели, дослушали и договорили обо всем. Василий ночевал в МАЗе, я – в домике, вместе с дочкой, как и положено порядочной женщине, матери своих детей. Мы встретимся с ним утром. А пока – спать.

И плыла, плыла над Землей волшебная, сказочная ночь. Где-то рядом, всего в двух шагах от меня, спал Олег, еще ничего не знавший о моем приезде. Где-то допивал последний стакан Ленька, следующий герой не моего романа, чей выход на сцену не заставит себя долго ждать. А я лежала на знакомом, родном диване, обняв родное тело доченьки, в абсолютно чужой стране, в чужом странном доме, среди людей, которых видела впервые в жизни, лежала и думала о непредсказуемости жизни, граничащей с безумием. Мне не спалось...

Но если бы меня спросили вдруг: «Чего ты хочешь?» Я бы ответила, не задумываясь: «Я счастлива»...

Глава 8

Утро было похоже на неожиданность. Я не могла сообразить – где я и кто я? Теперь, это станет моим обычным состоянием. Поразила тишина, поразил легкий призрачный туман и прохладная роса на траве под босыми ногами. Проблемой выростала каждая новая подробность увиденного при утреннем свете. Я вдруг поняла, что мы еще и не начинали, тогда как, вчера казалось, что все уже позади.

Я осторожно выбралась из дальней комнаты, миновала спящую маму, с удивлением обнаружила незапертую входную дверь и сразу оказалась во дворе, по которому бегала наша многострадальная собака. Как же она мне обрадовалась! За забором виднелась крыша МАЗа, а я-то думала, что Василий уедет раньше, чем мы с ним еще раз увидимся. Таким образом, утро переставало быть томным.

Я приблизилась к высоченному забору и посмотрела в щель между крашенных досок на улицу имени Спартака. Моему взору предстал иной, параллельный мир деревянных построек и перекошенных заборов. По улице туда и сюда проходили люди, одетые невесть во что, с велосипедами и без, в основном, старше сорока. «Час пик», – подумала я.

Через дорогу, у колонки, собрались соседки, и пока упругая струя воды плескалась в ведра, они диковато разглядывали городской МАЗ, перемалывали наш приезд и ждали дальнейшего развития событий. Здесь же я заметила одинокого быка и стайку гусей у обочины.

...Была во мне одна достойная черта – сила. Я даже не вздрогнула, не отпрянула и не испугалась увиденного. Я, женщина из своего великого прошлого, пившая на брудершафт с французами и канадцами, спокойно стояла и смотрела в упор на свое неприглядное настоящее, заставляя себя полюбить это...

Одномоментно, в МАЗе шевельнулся Василий, сел, быстро пригладил волосы, огляделся и, заметив меня, расплылся в широкой улыбке. Ну, слава Богу, вот и мое спасение! Он не торопился уезжать, ему вдруг стало совершенно некуда торопиться, а мою маму, сразу после завтрака, Василий, в шутку, уже называл тещей. Я решила воспользоваться ситуацией... Среди документов, привезенных с собой в Россию, я хранила справку из адресного бюро. В этой бумаге содержалась очень ценная информация, а именно: место прописки Олега в городке Н. Хотя городок напоминал деревню, найти в нем человека по адресу было непросто. А делать это одной было не только неразумно, но и опасно. Как знать, что я там увижу, и как меня встретят?

– Вася, давай съездим в одно место? Заодно посмотрим городок?

– Конечно, поедем! Только здесь такие узкие улицы...

Он все-таки сумел мне слегка понравиться. Мы взяли с собой дочку, забрались в кабину, на высоту, с которой все казались маленькими и безопасными, и отправились в путь.

Дорога, указанная нам соседями, вела вниз, к реке. Мы передвигались очень медленно, словно ехали на слоне по джунглям. Я предусмотрительно взяла с собой магнитофон и полбутылки водки, а это, само по себе, уже являлось праздником. Мне было легко, весело, безопасно и комфортно. Но Василия и большого МАЗа через несколько часов здесь не станет...

На одной из улочек мы остановились, чтобы набрать воды, так как мне вдруг решительно захотелось пить. Здесь не было колонок, а только колодцы во дворах. Вот к одному из них я и отправилась с пустой пластиковой бутылкой.

Постучав, но не услышав никакого ответа, я тихонько толкнула дверь деревянного коричневого домика и она послушно отворилась. На меня пахнуло такой сыростью, что я на мгновение передумала входить внутрь. В глубине жилища различилось какое-то движение и прямо на меня вышла бабушка без возраста:

– Чего тебе?

– Здравствуйте, водички можно набрать?

– А, иди во двор, там колодец.

Она сразу потеряла ко мне всякий интерес и исчезла в обратном направлении.

Я пошла по бесчисленным коридорчикам и комнаткам, через которые можно было попасть во двор, осторожно приглядываясь в полумраке к содержимому комнат.

...Я никогда не видела подобного запустения раньше и даже не могла себе представить, что люди могут так жить. Тазы, ведра, уголь вперемешку с дровами, грязные банки, замоченное в корыте серое белье, кастрюли и тарелки повсюду – на полу, на столах, за порогом и во дворе. Когда я добралась до колодца, мои чувства оформились в мысль: Россия не так сильна, как доказывали нам оттуда, с экранов телевизоров. Россия – это и такие вот бабушки, которые никому не нужны. Это бедность на каждом шагу, убожество помыслов и невозможность перемен. Какие могут быть перспективы у этой женщины, давшей мне напиток из своего колодца? Мое негромкое «спасибо»?

Мне вдруг стало так неуютно, что я даже подобрела к Василию, в надежде оттянуть расставание с ним. Я не хотела оставаться наедине с этой неприглядной реальностью. Но если бы я спросила ту бабушку, счастлива ли она, то получила бы простой ответ: «Жива, здорова, и слава Богу». Она не знала другой жизни, и она ей была не нужна...

До нужной нам улицы «Школьной» оставался всего десяток метров. Мы уже увидели табличку на крайнем доме, когда сердце мое трусливо дрогнуло, и я поняла, что войти в тот дом просто не смогу. Василий вопросительно надавил на тормоз и дал мне передышку.

– Давай посмотрим на дом издаleка? – предложила я.

– Ну, давай, – с легкостью согласился он.

Этот дом стоял на самом берегу, километрах в трех от возвышающегося центра городка Н., а это означало, что зимой, в заносы, добраться туда было бы невозможно. А еще это говорило о том, что не все так безоблачно и просто в жизни человека, которого я помнила и любила шесть лет. Как он жил? Чем он жил? Кем он стал за эти годы? Передо мной вновь стояла жестокая реальность, которая не соответствовала моим придуманным мечтам и дурацким планам. Зачем я здесь? Кто я такая, чтобы спустя столько лет претендовать на него и его настоящую жизнь? Господи... Прочь отсюда! Как хорошо, что я выпила с утра, а то разбилась бы о неприступность и неизбежность осмысленного так внезапно.

Василий сразу увидел мое грустно-задумчивое состояние и предложил прогулять меня по берегу. Скоро мы остановились у небольших мостков и решили помочить ноги в реке. Я и дочка с удовольствием уселись на доски и свесили ноги в теплую воду. Рядом со мной стояла бутылка водки, которую я не выпускала из рук.

– Ты можешь не пить? – серьезно спросил Вася.

– Конечно, могу, – смело ответила я и оттолкнула бутылку. Но тут же снова подвинула к себе, – Могу, но не хочу.

Я с улыбкой смотрела на Василия и видела жестокое разочарование в его глазах. Мое настроение испортилось окончательно. А впрочем, кто он такой, чтобы высказывать мне претензии? Хочу – пью, хочу – не пью!

Но подобное я буду слышать теперь постоянно – многие будут жалеть меня, многие захотят помочь встать на ноги, а я упрямо буду пить, все больше и больше, почти не выходя из ужасного транса, пропивая молодость, красоту, время и оставшиеся деньги.

А когда я буду трезветь, то буду ощущать в себе только одно желание – немедленно повеситься... Взгляд дочери станет сводить меня с ума. Я перестану понимать что-либо в происходящем, стыд перед ней станет поводом для еженощной бессонницы. Любовь к этому маленькому созданию была так сильна, что вызывала непереносимую боль в сердце. Я хотела сделать все для ее счастья, но пока еще не осознавала, что для этого мне надо просто отодвинуть в сторону недопитую бутылку и стать обычной, ровной и правильной, думать и

делать то же, что делают другие люди. Вести грызню за квадратные метры, жить без любви с проходимцами, делать все возможное и невозможное для достижения своих целей. Я не могла еще осознать, что одной меня слишком мало для того, чтобы получить то же самое, что имеют остальные. Другие копили это годами, передавали из поколения в поколение, преумножали и хранили веками. Я же была одна, и я одна хотела покорить этот алчный мир. Мои родители создали меня нищей и отпустили на все четыре стороны.

Мы уехали от реки немного второпях, Василий засобирался в дорогу. Я не хотела смотреть на то, как он протирает лобовое стекло, как набирает запасы воды, мне было печально.

В домике уже тихонько шевелилась вышедшая из анабиоза мама. Она накрывала на стол и готовила любимый ею «посошок» для Василия. Пить, конечно, он не стал, но с хрустом пообедал на улице за импровизированным столом, запил все большой чашкой кофе и, распрощавшись со мной и со всеми нами, был таков. Он обещал вернуться, обязательно навестить нас, и я даже ждала его первый месяц, пока мы не переехали на соседнюю улицу, названия которой я уже не вспомню. Но высокий, лохматый Вася так и не вернулся.

Глава 9

Наш быт на улице Спартака был примитивен как чугунная сковорода. Простая, незатейливая жизнь, по-своему добрая и неповторимая.

Дочь удалось пристроить в детский дневной школьный лагерь. Она уходила туда в восемь утра и возвращалась только после обеда. Ей нравилось там, хотя поначалу она дико плакала и отказывалась от общения с чужими людьми. С утра и до обеда я была предоставлена сама себе, и при наличии немалой пока еще суммы денег могла выпивать в свое удовольствие, делать домашние дела, или просто слоняться по двору, играя с большой собакой.

Мама сразу вышла на работу. Это был небольшой завод по разливу скважинной воды в пластиковые бутылки. Она устроилась туда химиком-технологом за смешную зарплату, но ее тоже не было дома до самого вечера, а значит, я имела определенную свободу ото всех.

Перед приходом мамы я прятала недопитую бутылку, чтобы она не поднимала шума и не претендовала на долю недопитого. Я старалась экономить огненную воду, потому что ходить за ней было далековато, в центр городка, пешком по пыльным улицам, под жарким палящим солнцем, на виду у всех жителей, многие из которых уже имели некоторое представление обо мне. Но иногда мама приносила водку сама, и тогда мы устраивали пикник под открытым небом, в большом нашем дворе, под импровизированным тентом из старых штормовых палаток.

Во дворе стоял летний душ, в котором мы шумно плескались нагретой солнцем водой, пытались отскоблить потресканные пятки, брили ноги и подмышки, потому что хотели быть лучшими хотя бы для себя.

После таких процедур я снова ощущала себя человеком, а тем временем, каждый житель в городе Н. всегда кислотовато-остро пах потом, обладал заусенцами и непременным кариесом. Но я не видела этого, я хотела спасти себя и нас от деградации.

Стирала я прямо во дворе, в машинке «Алма-Ата», круглом, крупном ведре с моторчиком. Носила воду из колодца, грела кипятивником так тщательно, что в домике вылетали пробки, затем полоскала постиранное белье в большом корыте и развешивала во дворе, получая особенное удовольствие от свежего запаха.

Мы немного разобрались в привезенном имуществе, и в нашем домике получилась довольно уютная обстановка, в которой было легко найти все самое необходимое.

Разбираться основательно не было смысла, мы знали, что вскоре последует еще один переезд, а за ним еще один. И так до бесконечности.

Все то время, что я проводила в одиночестве, я думала о встрече с Олегом. Здесь о нем многие знали. По слухам он работал тренером карате в местном Доме Культуры, до этого много пил, впоследствии закодировался. Как оказалось, Олег жил с некоей женщиной и двумя ее детьми через две улицы от нас. Но я пока не знала, как подступиться к нему спустя столько лет.

Когда я выпивала, то заглянуть к нему на огонек было проще простого, и я буквально умоляла себя не делать этого. Я оказалась слабее, чем думала. Или просто умнее. Но давным-давно, когда он уходил, убегал, уезжал из моей жизни, он спросил меня: «Ты приедешь ко мне?» И вот, я приехала.

В один из дней, выпив к обеду больше обычного, зная, что хороша и модно одета, я взяла с собой дочь и отправилась осуществлять свой внезапный план. План был таков: взять такси на вокзале, подъехать к дому Олега, попросить таксиста вызвать Олега из дома и уехать с ним куда-нибудь на берег, для спокойного разговора.

Я помню, что сильно переплатила таксисту, чтобы все получилось именно так, как было задумано. Когда мы подъехали к дому, у меня невероятно затряслись руки и ноги, я никак не могла прикурить сигарету. Волнуясь безумно, я подбирала слова и ожидала глобаль-

ного удивления, восторга, раскаяния и даже преклонения перед моими чувствами. Может, я была недостаточно хороша в тот день?

Олег вышел из дома в спортивном костюме, в тапочках, точно такой же, как пять лет назад. И повел он себя так, как-будто мы не расставались вовсе. Я стояла возле машины и смотрела на него в упор. Все происходящее не могло быть реальностью, а жизнь не могла быть такой жестокой. И единственное, о чем я думала в тот момент и чего боялась – что вслед за ним выбежит сейчас та самая женщина, с которой он живет в этом доме и устроит мне скандал. Женщина все не выходила, таксист уже завел мотор, давая мне понять, что надо бы поторопиться.

– Здравствуй, Олег! Я приехала украсть тебя! Садись.

– Здравствуй! Куда поедем?

– Подальше отсюда.

На мое удивление он покорно сел в машину, и мы буквально улетели на отдаленный берег реки, где уже никто не мог нас найти. По дороге мы не разговаривали, а когда достигли цели и отпустили такси, то говорить пришлось мне одной.

– Ну, вот я и приехала. Видишь? Специально к тебе...

Я ожидала радости, смятения, восторга, жарких слов любви, понимания. Но их не последовало.

– Зачем? Ведь все давно не так, как было.

Я опустила на траву прямо в белых новеньких брюках, отпила немного пива из горлышка, автоматически протянула бутылка Олегу, запямятовав, что он закодирован, и начала свой монолог про запутанную любовь жизнь.

Пока я рассказывала о своей любви к нему, о своих мечтах, планах, пока подбирала нужные слова и интонации, на абсолютно безлюдном берегу, к нам несколько раз подходили местные алкоголики и беззастенчиво просили слегка отпить из моей бутылки, чем вызывали мое раздражение и сбивали и без того сбивчивую мою речь.

Олег стоял надо мной как памятник. Он не присел рядом, не изменил положения за все время нашей беседы, лишь сочувственно кивал головой, словно понимал что-то.

На самом деле, в тот момент и он, и я были абсолютно уверены, что это всего лишь сон, легкий и безопасный, который заканчивается по щелчку выключателя, или с рассветным лучом...

А по небу пылал закат. Солнце садилось, уносило на руках глупый день. Дочка попросила еды, которой у меня с собой не было и мы стали выбираться к дороге.

– Я живу с женщиной, которой многим обязан. Не важно, что я чувствую к ней, я останусь с ней, потому что я ей верю. Так сказал Олег.

Он взял на руки мою дочь и донес ее до шоссе, затем развернулся и молча пошел вверх по узкой тропе, в неизвестном направлении, оставив нас одних. А мы битый час искали способ попасть обратно, домой.

Спустя еще полчаса мы тихо вошли в свой двор, где нас встретила обрадованные собака и мама. И мне стало очень-очень тепло от их присутствия.

Этот глупый день стал поводом для моей недельной пьянки, после которой у мамы открылась язва желудка и ее отправили в больницу на пару недель.

Я навещала ее, но при этом была очень рада тому, что мне не придется ограничивать себя и отчитываться за каждый свой шаг. Нестерпимо-занозливо хотелось увидеть ту даму, из-за которой мне так грубо отказали. Я догадывалась, что она не годится мне в подметки, и решила позволить себе навестить их семейство в один из тихих, летних вечеров. Разве мама позволила бы мне сделать это?

Глава 10

Не будь такой, как все. Лучше – будь душой...

Однажды вечером, старательно принарядившись и взяв с собой бутылку хорошего марочного вина, мы с дочкой отправились к Олегу, с визитом обыкновенной, никому не нужной здесь вежливости...

Нет, меня не переставали удивлять эти люди! Они встретили нас так, как будто всегда ждали. И эта дама мне сразу не понравилась. Мы постучали, она спокойно открыла нам дверь. Я не могла знать, что она уже целую минуту изучает нас из окна. Она не спросила, кто я такая, а просто пригласила войти.

Олега дома не оказалось, а значит, появилась великолепная возможность запросто поговорить «по душам». Даму звали Людмила, двое ее детей тут же взяли в оборот мою Машу, и они гурьбой умчались кататься на велосипеде.

Люда была молода, понтовата, дерзка, с тонким налетом хорошего воспитания, довольно стройна для двоих детей, и сразу бросалось в глаза, что Олег был для нее хорошим шансом, лучшим из всех, предоставленных когда-то жизнью. Она его не отдаст, не выпустит, только убьет, причем не его, а того, кто попытается вырвать Олега силой.

Мне сразу стало грустно. А еще Люда была некрасива и совсем не домовита, что выглядело странным для сельской местности. Мы выпили хорошего вина, постепенно разговорились. Я сбила с нее шелуху озлобленности, и она раскрылась передо мной несколько в ином свете, рассказала о своих несчастьях и о том, как хорош Олег для нее.

Я подумала, что с ней лучше дружить, а Олег, человек потерянный для меня и для общества в целом, переставал интересовать меня в геометрической прогрессии, прямо на глазах Людмилы и троих наших детей.

– Просто, понимаешь, он звал меня... Я приехала. Я ведь не знала, что у него есть ты. Извини меня. Я, пожалуй, пойду.

Но я ей уже понравилась, а может, вино сделало свое дело. Она не желала меня отпускать, и в это самое время на пороге вырос Олег. Наконец-то, он был действительно удивлен! Было заметно, что этот мастер спорта боится своей сожительницы, и я уже знала почему – он жил в ее доме, а жилье в России ценилось дороже золота. Он не мог угадать, о чем до него здесь шла речь, поэтому, первую минуту, вежливо отмалчивался, удостоив обеих лишь коротким и нелепым: «Здрасьте». Потом потихонечку начал улыбаться, а еще через десять минут прилично поддтая Людка, отправила его за второй бутылкой и закуской. Почти сразу у нее возникла неожиданная претензия к Олегу, которую она решила озвучить:

– Так это ты разбил ее семью? Ты уговорил ее на измену, звал ее сюда? Она тут приехала, а что же ты? А? Ты мне рассказывал все по-другому!

У, оказывается, обо мне здесь говорили, у меня был свой территориальный пиар-менеджер, который вывернул все события в удобное для себя русло.

Но сейчас-то я понимаю, что в тот вечер Люда ждала от Олега совершенно определенного ответа. «Да, все так и было, но я встретил тебя, полюбил, и хочу быть всегда с тобой». Такого ответа она не дождалась. Немного пошумела, заняв мою сторону, мы пили еще и еще, но только вдвоем. А потом случилось страшное. То, чего я никак не смогу объяснить даже спустя годы...

Мы провели вместе более шести часов, на дворе уже давно наступила ночь. Тьма. Наши детки крутились по комнате, дочурка потягивала меня за брючину, звала домой. Акции Олега упали на значение с минусовой отметкой. Он не был тем мужчиной, которого я хотела. Это была просто тряпка под ногами Людмилы, рядовой жительницы Н. Мне пора было уходить.

Мы даже договорились дружить, ходить в гости, просто разговаривать и выпивать иногда, как вдруг... я полностью потеряла контроль над собственным телом.

Я внезапно, одновременно и так сильно захотела спать, что даже не могла заставить себя сидеть с открытыми глазами!

– Я лягу на вашу кровать? – спросила я безо всякой связи и перехода.

Вокруг меня засуетились, Люда, кажется, жалела и понимала, но Олег был категорически против.

– Зачем она здесь нужна? – слышала я сквозь марево мутного, угрожающего тумана.

Я уже прошла в комнату и легла там на диван, потому что я действительно не могла ни стоять, ни сидеть, ни говорить! Я извинялась, потому что это действительно было стыдно, странно и непонятно. Я чувствовала, что домой дойти не смогу. Пока не смогу.

Олег грубо поднял меня с дивана и направил к выходу, заставил обуться, сунул мне в руку сумочку, в другой я ощутила тепло руки моей дочки. И если бы не дочь, я бы действительно больше никогда не увидела ни солнечного света, ни грядущего дня, ибо весь мир за порогом проклятого дома, темный и страшный, был смазан в одно непроглядное пространство, без улиц, домов, параллелей и меридианов. Я вообще не ориентировалась и не видела ничего!

Много лет прошло с той ночи. Никогда в жизни я больше не испытывала ничего подобного. В таких ситуациях организм должен включаться на резерв, стимулированный страхом или близкой опасностью, но тогда, впервые, ничего подобного не произошло.

Голова моя соображала, что мы в беде. За спиной еще о чем-то шептались Люда и Олег, а мы уже двигались в кромешной ночи в ту сторону, куда вела меня моя малышка. И я шла очень медленно, на ватных ногах, но когда вспоминала о том, сколько еще предстоит пройти, то останавливалась, наваливалась на чей-то забор и умоляла Машу дать мне отдохнуть и собраться с силами. Это длилось бесконечно.

Ноги заплетались, плечи, голова, все тело стремились к земле, и мне казалось, что легче сейчас ползти, так будет быстрее. Ползти, покуда никто не видит. Но я слышала в темноте, что рядом есть люди, они шли на вечернее гуляние в центр, или наоборот оттуда. Они не обращали на меня никакого внимания, хотя со стороны было хорошо видно, что маленькая дочь ведет домой пьяную до безобразия мать...

Потом я упала... Я падала всего несколько раз в своей жизни, и все бы ничего, но в этот раз я упала по-настоящему, больно, лицом в асфальт на острые камни, не защитившись руками и не смягчив удара. Мне показалось, что моя голова разбита вдребезги, но мысли вдруг стали ясными и простыми: скорее встать, пока я не уснула прямо здесь, под забором чужого дома, из-за которого злобно рычала большая собака.

Но как встать? Едва я пыталась опереться на руки и слегка приподняться, как вновь падала лицом вниз на грязные, исцарапанные ладони. А если опиралась на содранные локти, то они тут же разъезжались и я больно ударялась грудью. Я попыталась встать на колени, это получилось, но подняться на ноги не удавалось никак.

– Маша, я не могу встать, – шептала я плачущей дочке, которая умоляла меня подняться, – Не могу, понимаешь? Помоги мне!

Она бегала вокруг меня, тянула за руки или за плечи, но от ее движений я лишь теряла равновесие и вновь обрушивалась в небытие.

– Помогите! – просила она кого-то, проходящего мимо. А я все стояла на коленях в белом брючном костюме, перемазанная грязью и кровью, мычала что-то, потому что язык уже начинал отказывать повиноваться мне...

Две девушки спасли меня. Я никогда не узнаю их имен, не вспомню их лиц, но они осторожно подняли меня за руки, поставили на слабые ноги, и только благодаря им, мы доплелись до нашего высокого забора, за которым я, наконец-то, почувствовала себя в без-

опасности. Я наощупь пробралась в дом, гремя тазами и кружками, умыла лицо так, как смогла, нашла початую бутылку водки и выпила сразу полстакана. Но как только я поднесла ко рту зажженную сигарету, меня сразу стало тошнить и вырвало так много и сильно, что именно это, наверное, и спасло мне жизнь. Я снова умылась, прошла в комнату, осмотрелась, улыбнулась дочери, и ее ответная улыбка успокоила мое сердце. Я сощурилась, пытаюсь посмотреть в зеркало, но все трюилось и прыгало, мне не удалось разобрать в нем нанесенного лицу ущерба.

В эту ночь мы закрылись на все замки, завесили все шторы. Я спала тяжелым, беспокойным сном. Впервые мне стало по-настоящему страшно. Я поняла, что здесь не выжить в одиночку, здесь просто нельзя быть одной. Это территория, где выживают только стаями, или стадом. Обязательно должен быть кто-то рядом, чтобы вовремя поднять тебя с асфальта, или же не дать лечь на него ни при каких обстоятельствах. Это не цивилизованный мир...

Люда просто хотела меня отравить. Как же иначе можно объяснить то мое состояние, после двух с половиной бутылок слабенького марочного вина? Выпивая литр водки с мужиками, я никогда не теряла контроля над собой!

Что же подсыпала мне эта дрянь? Клофелин? Но зачем? Я ведь и так собиралась уходить. Людка просто покуражилась или вошла в роль. А я чуть не лишилась... чего? Одному Богу известно, чем все это могло бы закончиться для меня. И я поклялась никогда больше не искать встречи с этими людьми. Мне до сих пор невероятно противно и липко при мысли о той далекой ночи.

Травить за любовь? За поиск вечного и прекрасного? Просто за то, что все получилось именно так, как получилось? Непостижимо! Гадко! Безумно...

Глава 11

Когда я открыла глаза, утро уже благополучно наступило. Я скорее почувствовала, чем увидела, что входная дверь открыта настежь и сразу закричала, что есть мочи:

– Маша, немедленно закрой дверь! Вдруг эти звери придут! Закрой, ты слышишь?

К обычному человеческому страху примешивался страх похмельный.

Мой голос звучал неустойчиво, грубо. Он напугал даже меня саму. При этом я ощутила общую неподвижность лица и тела. Болело все. Даже то, чего давно не было.

– Мам, бабушка из больницы пришла, она во дворе. Не бойся.

Господи, бабушка! Я совсем забыла про нее. Ну, что я ей сейчас скажу? Откуда у меня такое лицо и зачем я ходила туда, куда ходила? Я слегка шевельнула губами, немного больше, чем требовалось для обычного разговора и вскрикнула от боли. Короста, на лице сплошь короста от асфальта и камней.

И, именно в этот момент, в двери появилась мама, взгляд ее был наполнен таким отвратительным состраданием, что я поняла – дело действительно дрянь. Я вежливо попросила у нее зеркало...

Увиденное поразило меня. Я никогда не думала, что могу так ужасно выглядеть... И самое неприятное, что это происходило на самом деле, сейчас и со мной.

– Ты с ума сошла? Где ты была? Ты же знаешь, что я в больнице, а вытворяешь черт-те что! С какими нервами я теперь вернусь назад? Допьешься! Лишу тебя материнских прав! Отправлю в психушку! Сволочь, дрянь! Ни стыда, ни совести!...

– А-а-а-а, – я схватилась за голову.

Теперь слушать это целый день! А во двор выйти нельзя, ведь соседи сразу увидят мою расписную морду! Господи... Меня передернуло. Это не моя жизнь...

Мать предлагала то поесть, то поспать, то вновь пускалась в нравоучения и не предлагала лишь одного, самого главного – выпить, чтобы забыть обо всем... И сама себе я такого тоже предложить не могла. Таким образом, круг замкнулся...

Я бережно мазала свои коросты самыми дорогими кремами, отдирала уже присохшие и замазывала еще не вылеченные. Я лелеяла себя целый бесконечный день. А вечером мама снова ушла в больницу, оставив меня на двухдневные безвылазные посиделки в домишке на хлебе и воде. Но не это угнетало меня.

Я думала, что он придет. Придет, чтобы просто спросить, как мои дела, жива ли я еще? Но он не пришел. И это вот самое обстоятельство причиняло подлинную, недетскую боль моему сердцу.

Итак, на третий день после описанных событий, мы с Машей сидели дома, смотрели телевизор, играли с собакой, жарили оладьи, когда... в окно постучали. Постучать в это окно было невозможно – оно выходило во внутренний двор, туда можно было попасть только через нашу кухню... или через двор соседей. Значит, стучали те, кто хорошо знал об этом. Или те, кому было на все наплевать. Я со страхом приоткрыла шторку и увидела в темном окне два женских силуэта – жену Олега и ее подругу Татьяну, о которой слышала от Людмилы. Судя по лицам, они пришли поговорить о чем-то, что не имело больше ко мне никакого отношения.

Я сделала вид, что мне совсем не страшно. В полумраке, сгустившемся вокруг, было уже почти не видно моих недолеченных корост.

– Привет, – улыбнулась я им сквозь стекло. – Пройдите к воротам, у нас здесь дверь не открывается.

Я жестоко лгала, дверь во внутренний двор открывалась легким пинком, но если бы они вошли сразу в дом, то я потеряла бы некоторые шансы при обороне. Их было бы гораздо

тяжелее выставить. Даже через окно, в сумраке, я увидела, что они пьяны. «Девочки» повиновались и отправились в обратный путь, на улицу, к парадному входу.

Дочка крепко сжала мне руку, было видно, что она тоже боится.

– Не бойся. Тети просто хотят извиниться. Мы сейчас привяжем собаку возле ворот, ты пойдешь со мной. А если они станут на меня кричать, то ты сразу отпустишь Альфу, и она меня защитит. Хорошо?

– Ладно! – оживилась она.

Разговор, как я и думала, был ни о чем. Людка пришла «набить мне морду», как потом мне рассказывали свидетели ее предварительных пьяных разговоров. Они выпивали, ей стало скучно, она вспомнила обо мне и просто отправилась «в гости». Так сказать, расставить точки над «i». Но у нее никак не получалось скандала, я уступила ей по всем вопросам и сразу отказалась даже от мысли об Олеге. Людка зашла в тупик, ненадолго замолчала, поискала что-то за горизонтом мутными глазами, беспомощно оглянулась на более трезвую Татьяну и вдруг закричала:

– А-а! Ты же говорила, что любишь его! Ты даже посмела приходить к нему на работу! И еще придешь! Ведь придешь?

Она умоляюще-скандално заглянула в мои глаза.

– Нет, – тихо и твердо ответила я.

Но мой ответ показался ей не убедительным. Она радостно всхлипнула и прошипела:

– Ага, придешь...

И она ударила меня. Ударила по лицу. От неожиданности я даже не успела среагировать, и удар пришелся прямо по щеке. Больно. Татьяна стояла молча, она не собиралась ни участвовать, ни останавливать свою подругу. Людмила, воодушевленная таким звонким началом, сразу схватила меня за распушенные волосы на макушке, дернула с такой силой, что у меня затрещала кожа. Я перехватила ее руку, чтобы ослабить неимоверное пьяное усилие.

– Отпускай собаку! – прокричала я дочке.

Но собака в это время так рвала повод, так стремилась помочь мне, что слабые руки дочери никак не могли высвободить ее из натянутого стального ошейника... Он затянулся намертво. И стало понятно, что помощи ждать неоткуда.

Я продолжала держать руку Людки, а второй рукой молотила ее что есть силы, стараясь освободиться из ее цепкой хватки. Потом вдруг я вспомнила, что у меня сильные ноги и пнула ее несколько раз прямо в живот. Этот трюк сработал моментально. Она мгновенно отпустила меня, обиженно толкнула в плечо, добавила несколько нехороших слов, а я в это время захлопнула перед ее носом огромные деревянные ворота, закрыла щеколду трясующимися руками. И еще долго-долго соседи могли слышать ее хриплую пьяную брань, несущуюся по славной улице имени Спартака.

– Какой стыд... Господи, какой стыд... – только и шептала я сквозь слезы, пока мы шли в домик через двор. – Ну почему ты не отпустила собаку! Теперь они будут думать, что нас можно избить в любой момент, что мы их боимся.

– Ну, прости, я не смогла. Она так сильно тянула, так злобно лаяла. У меня не получилось. Ну, прости! – шептала дочка. Она тоже плакала от жгучей жалости ко мне.

Но было и еще нечто, что ожидало нас кроме стыда и жалости: Людка вырвала мне волосы. Не слегка, не чуть-чуть, и не для красного словца говорю я об этом. У меня на самом деле больше не было волос на макушке. Когда я провела расческой по каштановым спутанным прядям, то все они так и остались на ней. Я присмотрелась, немного наклонилась, и увидела белое ровное, и даже красивое, круглое пятно размером с железную пятирублевку...

Никогда в жизни я не испытывала более сильных ощущений. Американские горки – ничто по сравнению с тем шоком, в котором я пребывала, глядя на себя в зеркало. За моей

спиной стояла дочь, и по ее лицу я ясно читала, что она хочет и плакать, и смеяться одновременно.

– Ничего, ничего... – озадаченно чесала лысину я. – У меня есть накладной хвостик! Это спасение!

Мы начали пристраивать его на голове, но как бы я не зачесывала волосы, лысинка все равно проглядывала и поблескивала в тусклом свете лампы. Нетрудно представить, как гордо она заблестит при солнечных лучах! В любом случае хвостик – это лучше, чем ничего. Ведь завтра нам надо было идти в больницу к маме! Через весь городок, в котором к утру многие уже будут знать о моих вечерних боях.

Истина, где ты? И цена ли это за многолетнюю любовь – разбитое лицо и вырванные волосы. И вырастут ли они? Это всерьез беспокоило меня.

Вырастут, скажу я, забегая вперед. Никто и никогда так и не узнает, что у меня не было волос на голове целый месяц.

Глава 12

Поутру, умывшись и приладив к лысине пучок накладных волос, мы отправились навестить болящую маму. Когда я шла по городку, мне казалось, что каждый тычет в меня пальцем, смеется, ненавидит, или, что еще страшнее, жалеет. Но все эти гадкие ощущения быстро, волшебным образом испарялись при одной только мысли о сегодняшней вечерней выпивке. Я победоносно вышла в свет, а значит – смогу прикупить бутылочку – другую, чтобы сгладить все неприятности, постигшие нас.

Мне так хотелось рассказать маме, что мне сделали больно, обидели, избили, но я не могла этого сделать. ТАМ не было сострадания. Там было абсолютное зло. Она бы оскорбила меня и добавила этой глухой боли, которая уже начинала скапливаться в тайниках моей робкой, нежной души. Этой боли скоро будет ровно столько, что я не смогу спать, дышать, говорить, чтобы не выдать себя... Может зря я так, и она любила меня? Безусловно, любила. Но она считала меня первопричиной всех своих неудач... Однажды я открылась ей. Выплеснула ту боль, которую причинили мне люди. Это случилось страшным утром, последовавшим за ночью, в которую меня грубо изнасиловали трое пьяных мужиков. Они поймали меня вечером по дороге домой, в маленькой геологической партии, где каждый знал каждого, где не было ни криминала, ни самого понятия – страх. Силой усадив меня в машину, они отправились на берег реки и сделали свое грязное дело. Одна тысяча девятьсот восемьдесят седьмой год. Почти сразу после окончания школы...

Они не убили меня только потому, что не сразу додумались до этого. Через четыре часа глумлений и моего непрерывного крика, мужики привезли меня обратно в геологическую партию и выпустили на свободу. Я сразу побежала в сторону дома... но дома никого не было. Моя мать проводила эту ночь в объятиях своего любовника, молодого беспечного красавца. Под дверями дома я поняла, почувствовала, что сейчас эти люди вернутся за мной, чтобы убить меня... Я одна... Они просто выбьют стекла и ворвутся ко мне... Шутка ли? Статья за изнасилование – до десяти лет лишения свободы.

Что же делать??? Я вспомнила про свою единственную близкую подругу Вику и ее маму, Ангелину. Дорога к ним пролегла через центр городка, но я уже видела свет фар возвращающегося за мной фантома смерти...

В обход, я бежала в обход, через заросли верблюжьей колючки и саксаула. Босиком, потому что туфли остались на берегу реки. И как только я переступила границу двора Ангелины, то сразу упала в цветочные кусты, потому что фантом шел за мной по пятам...

Они тоже вошли в этот двор и постучали в дверь. Но тетя Лина сказала, что меня здесь нет... Я не дышала, долго не дышала среди хризантем и роз. Я ждала, когда смерть вернется туда, откуда пришла...

И только спустя час я отважилась постучать к Ангелине в дом. Она увидела меня и обмерла... Как будто увидела живую жертву аборт...

Так вот, утром я вернулась домой. Тетя Лина проводила меня туда еще до рассвета. Я сняла с себя грязные рваные вещи, брезгливо бросила их на пол. Затем упала в подушку и задала ей только один вопрос: «Как я буду жить с этим?» Ответа не было.

А после пришла мать. Она вошла в мою комнату, молча посмотрела на представившуюся взору картину и произнесла то, что я запомнила навсегда:

– Ну что? Нае...сь???

– Мама, меня изнасиловали!

И вторая фраза:

– Не п...ди!

Я рассказывала ей всю историю вновь и вновь... Я плакала и уже почти сходила с ума. Но я не встретила в ней ни малейшей доли сочувствия. Ничего... Она утверждала, что во всем этом есть только моя вина...

Потом был суд и три месяца публичного позора на заседаниях. Двоих поймали, один все-таки сбежал и просил передать, что обязательно вернется и убьет меня...

Мама... Она стала меня стыдиться. Она предпочитала больше не ходить со мной рядом. Население маленькой партии вновь и вновь «перемальвало» то страшное, незаурядное событие. Я стала прокаженной, выброшенной из маминой жизни. Только тетя Лина и ее дочь пригревали меня иногда за душевной беседой.

Это был первый и самый бессовестный поступок с ее стороны. Этого я не простила. И видимо уже не смогу...

А потом мама выпроводила меня замуж за того самого Юру, сына ее подруги. С глаз долой, из сердца вон...

Мама вышла в больничный двор такая жалкая, мятая и никому не нужная здесь, что у меня сжалось сердце. Я не могла помочь ей быстро, сиюминутно, а мои слова поддержки только усугубили бы положение вещей. Но она не считала себя пострадавшей. Очень бодро мама оглядела нас взглядом командарма и почти с ходу заявила:

– Я здесь договорилась. Тебя будут кодировать. Сейчас схожу за доктором, он тебя посмотрит, поговорит с тобой, заплатишь свои доллары, и больше не будешь пить. Ребенок обретет мать, а общество – полноценного гражданина.

Жалость моя испарилась по мановению волшебной палочки. Под угрозой стояла не только сегодняшняя выпивка, но и мои деньги, моя жизнь, моя дикая свобода от правил и обязательств.

Дочка пощипывала меня за рукав, теребила и подталкивала к этому событию. Она больше других мечтала иметь нормальную непьющую мать. Она понимала, что корень всех наших бед именно в бутылке. Но девчушка не могла знать одного – для такого излечения необходимо быть готовой. Требовалось озарение. Так бросил пить мой папа.

Сейчас, сегодня во мне все противилось такому положению вещей. Болезнь была сильна во мне. Очень сильна. И я пока нуждалась в ней! Говорить об этом с мамой было, по меньшей мере, бессмысленно. Мама никогда не считала это болезнью. Она уже шла в кабинет нарколога, который находился здесь же, в одноэтажной полудеревенской больнице. Мы с дочкой покорно остались на скамейке между двумя большими деревьями.

Я не могу сказать, что меня напугали, но во мне поднималась мощная волна протеста, еще детского, того самого, из-за которого жизнь моя зачастую катилась кувырком. Сейчас должно было произойти что-то невероятное, невозможное, и оно спасло бы меня.

И это невероятное произошло. Из-за угла больничного пристроя, из ниоткуда, прямо на нас вышла одинокая лошадь. Белая, большая, настоящая. Лошадей я боялась с детства. Она шла медленной своей походкой, мигала большим глазом, фырчала и мотала головой. Я неожиданно подумала, что вижу это одна, но, покосившись на дочку, поняла, что это не видение, а реальность. Девочка тоже распахнула глаза навстречу внезапному чуду. Это был знак...

Я не стала ждать, когда меня искушает белая кобылка, когда вернется мама с доктором Пилюлькиным и меня повяжут прямо в этом больничном дворе.

– Пошли отсюда... – прошептала я дочери.

И мы, взявшись за руки, потихоньку отправились восвояси.

– Мама, а как же доктор? Бабушка ведь правильно говорит, тебя надо лечить.

– Мы сделаем это попозже. Я не могу сейчас. Не говори больше мне про это.

Это было очень больно – лгать ей в глаза. Это было больше, чем больно, не уметь дать ей то, чего она так хотела. Но в жизни всему свое время... Кто знает, если бы я была благо-

получна с самого начала, чиста и трезва, кем бы стала она? Такой ли искренней, преданной и честной выросла бы моя дочь, если бы я поливала ее шоколадом???

Глава 13

По дороге домой я купила бутылку вина, даже могу вспомнить какого – «Монастырская изба». Я проигнорировала осуждающий взгляд дочери и просто уверила ее, что мы никуда не пойдём, я буду пить дома, а потом мы сразу ляжем спать. Я видела страх в ее глазах, но на тот момент желание выпить было намного сильнее желания обогреть и успокоить единственное любимое существо. Я шла запивать свой бесперспективный мир...

В этот вечер не произошло ничего особенного. Мы приготовили ужин, я приняла душ в уличной кабинке, под музыку мы посидели прямо во дворе. Дочка играла с собакой, а я допивала свое вино. За второй бутылкой решила не ходить, ведь обещала, что буду дома. Итак, я безмятежно сидела во дворе и даже не подозревала, что в это самое время ко мне уже собиралась новая делегация для нового частного разговора.

Как только мы погасили свет, в дверь постучали. На этот раз стучали в ту дверь, которая вела к воротам. Злобно зарычала собака. Мы закрывали ее на ночь в доме, страшно было представить, что может произойти с псом там, в темном дворе, по которому ходит неизвестно кто. Простота... Убийственная сельская простота! Люди легко входили туда, куда их не то, чтобы не звали, а попросту – не желали знать!

От первого же стука я вздрогнула. Меня словно ударило сильным током, подбросило на диване. Дочка немедленно схватила меня за руку.

– Кто? Кто там? Не открывай! – зашептала она.

– Нет, не открою, не бойся. Пойду, послушаю, кто там пришел...

Я стала осторожно пробираться к сеним. Дверь была хлипенькая, закрытая всего лишь на толстый, вертлявый крючок... Но ее надо было тянуть, чтобы открыть, а те, кто пришли, толкали, значит, шанс был. Я умоляла собаку, чтобы она не залаяла, и Альфа тихонько урчала, что вряд ли было слышно пришедшим.

«Гостей» было несколько. Судя по голосам, две женщины и мужчина. Я поражалась их тупому бесстрашию. Они ведь даже не могли знать – одна я или с мамой. Может у меня мужчина или целый отряд ОМОН? Нет, это не волновало их вовсе! Чего же они хотели? Почти сразу я узнала голос Люды и Тани, мужской мне был неизвестен. Они посмеивались, стучали, звали меня по имени вполне доброжелательно, но я уже доподлинно знала, что любой доброжелательный разговор здесь может закончиться потасовкой с исходом не в мою пользу.

Меня так сильно трясло, что искры сыпались из глаз. Во мне немедленно ожил и расцвел тот самый животный страх, который я так ненавидела. Ежики зашевелились в попе. Я боялась дышать, трогать рукою крючок двери, сделать шаг или пошевелиться. Только бы они не пошли к окнам, на ту сторону домика, откуда появились в первый раз! У меня не было темных занавесок и при определенной изобретательности, они смогли бы разглядеть происходящее внутри, а именно: умирающую от страха меня... Но они ушли. И я благодарно перекрестилась. Я клялась себе в тот момент, что больше никогда не буду вступать ни в какие сомнительные мероприятия.

Внезапно я попала в энергетический тупик. Олег стал никчемным прошлым, хотя именно из-за него мы оказались в этой темной глуши с печным отоплением и озлобленными скукающими жителями. Куда двигаться теперь? Какие горизонты открывать, когда все вокруг покрылось пеленой равнодушия? Снова отменный повод для пьянки...

Надо сказать, что я покупала выпивку всегда в одном и том же месте, ибо только там можно было купить ночью, вечером, днем и в любой праздник. Этот ларек находился в двадцати минутах ходьбы от нашего домика, и я аккуратно-прилежно посещала его в разном виде и в любое время суток.

Естественно, что меня там уже прекрасно знали и беспрекословно давали в долг, если я не успевала обменять доллары на рубли. Это была самая постыдная популярность, на которую я могла рассчитывать, но тогда это не имело для меня абсолютно никакого значения.

Хозяином ларька был женатый мужчина на вид лет сорока, спортивный, молодежавый, очень веселый, интеллектуальный и весь какой-то «не местный», словно его привезли извне и оставили здесь всем на удивление. Он обладал не только этим ларьком, но и еще одним полноценным магазином, двумя автомобилями и большим домом где-то далеко на окраине.

Роман, так звали его, совершенно некстати воплотил в себе мой мужской идеал, тот самый, который я часто встречала, проходя мимо, оглядываясь случайно. Тот самый идеал, который не принадлежал мне ни разу в жизни, и о котором я так безуспешно мечтала много лет.

Он, конечно, не мог не замечать моей любви к алкоголю, но он так же видел, что я имею деньги, и это привлекало его. Рома любил деньги и небедных людей. Мы перекидывались парой фраз, когда встречались в его ларьке. Он очень нравился мне, начинал нравиться. Это было сильно похоже на предчувствие новой любви, которая быстро прогрессировала на фоне беспребудного возлияния спиртным и первозданного одиночества.

Я первая спровоцировала его на свидание, и он не отказался. Так начался наш недолгий бурный роман с Романом, на виду у всей деревни. Я влюбилась в него сразу, по-настоящему, как умела делать только я. А он помог мне с местной постоянной пропиской и дал несколько дельных советов, главный из которых «не пей!» – я пропустила мимо ушей.

Мы все еще жили на улице Спартака, это было все то же лето, и он приезжал за мной на полугрузовом рабочем авто, чтобы съездить на речку для отдыха и разговоров. На фоне всего окружающего нас тогда, он был просто великолепен! И я про себя стала называть его: Барин.

Мы посещали отдаленный пляж, окруженный сосновым нетронутым бором. Он уютно ложился головой мне на колени, рассказывал что-то из своего прошлого, перебирал, словно бусы, свои ощущения от наступившей несоветской жизни.

– Знаешь, ко мне даже рэкетеры не приставали, я так давно в бизнесе, что им и в голову не пришло «доить» меня. Я открыл первый магазин, когда еще никто и не помышлял о частном бизнесе. Мне ведь уже пятьдесят! – горделиво заканчивал он. И он действительно был вправе гордиться собой и всем, что его окружало. Почти все продуктовые магазины в городке сотрудничали с ним, он выстроил дом, вырастил детей. Наверняка, посадил пару деревьев...

– Ты никогда не хотел уехать отсюда? – провокационно спрашивала я, всем телом болезненно ощущая, невозможность получить хоть каплю его уверенности или стабильности.

– Уехать? Зачем? Здесь я человек, величина. А уеду – и я никто. Знаешь, у каждого есть свое место под солнцем. И у тебя найдется. Главное – знать, чего ты хочешь, – и он шутливо ткнул меня пальцем в нос.

– Мне кажется, что мое место под солнцем либо отсутствует, либо я его проскочила...

– Не проскочила. Увидишь, все получится, – и он сказал это именно тем тоном, который означал – наши пути параллельны. – Сказал тоном, который я ненавижу.

Да, он умел говорить умные вещи, здорово шутил, любовался моим стройным молодым телом, когда я купалась в местной речушке при лунном свете абсолютно нагой. И если бы я не стала так зависима от своего внезапного чувства, Барин бы оставался со мною столь долго, сколько я сама пожелаю.

«Но куда все исчезает?» – спрашиваю я себя всякий раз после окончания банкета... Любые отношения сходят на ноль. И чем сильнее дорожишь ими, тем вернее то, что скоро ты их потеряешь. Я ведь могла даже бросить пить ради него! Но все закончилось гораздо быстрее. Он перестал приезжать, перестал встречаться на пути, он избегал меня... Учитывая

то, что телефонная связь отсутствовала напрочь, шансов найти его не оставалось. Видимо, я сказала какую -то глупость, продолжения которой слышать Роман не желал...

То лето прошло под музыку Лаймы Вайкуле. Я слушала и слушала ее новый альбом «По улице Пикадилли», ибо он полностью соответствовал тому моему настроению и состоянию. Надежда на встречу еще долго не умирала во мне, а грустная мелодия с голосом прибалтийской певицы неслась вдаль по улице Спартака, беря мою уставшую от потерь душу. И, казалось, никогда, ни разу в жизни я не буду иметь возможности получить ответ на вопрос: «Почему?»

Глава 14

Ближе к осени нас навестила хозяйка летнего домика. Интеллигентная женщина, она не стала устраивать никаких скандалов по поводу вытоптанных грядок с луком и общей захламленности территории, а просто мягко сказала, что нам надо освободить помещение, так как наше проживание с собакой ее категорически не устраивает. Простейшая формулировка, но, сколько за ней увиделось всего...

Снова переезд, поиск жилья, машины, уйма ненужных вещей... Собственно, мы были готовы к этому, мы ждали этого все лето, а потому наутро мама уже обходила соседние дома в поисках пристанища и результаты этого обхода не заставили себя долго ждать.

В этот же день, после дневного сна, я вышла на двор и опешила от неожиданности... Прямо предо мной «на кукорках» сидели два не совсем молодых человека, два новых персонажа этой истории. С виду оба – абсолютные алкоголики, но с большим чувством собственного достоинства, каждый, как выяснилось позже, с избой-пятистенком. Они в упор смотрели на меня, наивно-открыто улыбались, а я прянула от них, как лошадь. Я по-настоящему испугалась этих новых героев.

– Вы кто? – закричала я – Кто вы?!

– Ленька и Лешка, – невозмутимо ответили парни, поднимаясь на ноги.

– Какой Ленька? Что вам надо? Как вы сюда попали? – я продолжала кричать, не в силах сдерживать внутренний страх.

– Ваша мама сказала, что вам нужно жилье. Так мы сдаем!!! Пришли поговорить. Она когда будет?

– Не знаю, я ничего не знаю! Как вы вошли сюда?

– Так через забор! – ощерился Ленька малозубым ртом. – Ворота же заперты!

Через забор, напролом... Прямо сквозь мою судьбу шли, тянулись, врывались и оставались в ней непрошенные люди, чужие ситуации, ненужные обстоятельства.

Второй переезд по городку принес некое облегчение багажа. Половину досок, бывших когда-то мебелью мы бросили прямо во дворе, что-то сожгли, что-то выбросили.

На этот раз мы обрели пристанище именно в Ленькиной времянке на улице, названия которой мне уже не вспомнить. Это был маленький двухкомнатный домик из бревен и фанеры, с дровяной печкой и колодцем во дворе. О том, что протопить его будет невозможно, а крысы ходят прямо по коридору, мы узнаем немного позже...

Наше имущество перевозили в три приема на грузовом ЗИЛе при помощи Леньки, Лешки и их сотоварищей. Управились за четыре долгих часа.

Как и положено в деревне, дело закончили выпивкой, закуской и почти родственной беседой. Ленька поведал всем, что это его участок, здесь он будет строить дом и водил всех к забору, где зиял большой котлован для будущего фундамента. А этот маленький домик, который он сдает нам, всего лишь нелепое временное сооружение перед большим строительством.

Я видела, что приглянулась этому Леньке. Следует описать его, чтобы понять весь масштаб моего дальнейшего падения... Маленький, худощавый сморщенный дрыщ, от беспробудных пьянок лицо приобрело насыщенный темный цвет. Ушастый и губастый до неприличия. При разговоре слюна собиралась в уголках его рта плотно-белыми каплями, и он утирался рукавом, пока еще был не слишком пьян. Белые же комочки быстро скапливались и в уголках его глаз, но он даже не догадывался об этом. Не это беспокоило его.

Был ли он человечен? Да, безусловно. Он был расположен к нам ровно настолько, насколько мы могли рассчитывать на это. Он мог бы стать другом, соседом, еще кем-то... Но

он решил приударить за мной с той наглой уверенностью, происхождение которой навсегда останется для меня загадкой.

Уже совсем поздно, вечером, а скорее ночью, когда все звезды стали отчетливо видны на небосклоне, «гости» стали расходиться. Мама так напраздновалась, что Ленька начал казаться ей близким и понятным.

– А чем не жених? – спросила она меня после его ухода. – И дом есть, и работает на фабрике. Ну и что, что пьет... Здесь все пьют. А если не пьют, то закодированы. Кому ты еще будешь нужна? Принцесса!!! Давай, выходи за него замуж, он на руках тебя будет носить.

Я сидела на вновь обретенном крылечке, не совсем пьяная для поддержания такого разговора. Я слушала маму сквозь мутную пелену ужаса, обуявшего меня. Предельно логичный человек, я понимала, что участвую в представлении театра абсурда. Я курила сигарету за сигаретой, обнимала за плечико дочь, сидящую рядом. И если бы не это плечико, я бы, безусловно, сошла с ума.

На следующее утро мы возвращались на улицу Спартака, дабы привести в порядок бывшее жилище и сдать ключи соседке, тете Шуре. Нас встретил первозданный хаос, впечатление от которого усугублялось адски горячим похмельем, что отнюдь не придавало оптимизма. Но мама пообещала после трудовой повинности «проставиться», и я покорно согласилась. Сильнейшим впечатлением стали не пыль, не грязь, натасканная башмаками грузчиков, нет... Мы вдруг смогли реально оценить количество выпитого здесь.

По обыкновению я прятала бутылки за печку или в большой хозяйский шкаф, но они терялись в общем бедламе, растворялись среди прочих ненужных вещей. И вот сейчас, они гордо, как на параде, выстроились перед нами, выскочили солдатиками из всех закоулков маленького домика. Я не верила глазам. Сколько их тут? Двести? Триста? Я напомним, что мы с мамой были стыдливими алкоголиками, а значит, вынести ЭТО при свидетелях – означало публично проафишировать свой постыдный досуг.

– Мама, давай спрячем их под крыльцо! – радостно выкрутилась я.

Наш второй выход во двор имел огромное крыльцо, под которое с легкостью поместился бы «Запорожец».

– Давай, – обреченно выдохнула она.

Я принялась за работу, потея от солнечного света и похмелья. Бутылки норовили выскользнуть, позванивали и постукивали, но в итоге все они разместились именно там, куда мы их определили. В это время солнечный луч лег под таким углом, что попал в щели крыльца между досками, и наши бутылочки вспыхнули ярким хрустальным огнем. Я сделала несколько шагов по разноцветной световой дорожке, и крылечко отозвалось певучим нежным стеклянным позвякиванием. Одного взгляда было достаточно, чтобы понять – там, под ногами похоронено то, что недавно было целым состоянием.

– Мама, пойдём, пока они не выкатились обратно... Сами уберут, или сдадут.

Иногда я думаю – а вот интересно, что подумала и сделала хозяйка домика, обнаружив под крыльцом склад стеклотары? Боюсь себе это даже представить.

Глава 15

Между тем, время шло. Мы устроили дочь в школу. Нам пришлось снова поступить в первый класс, потому как программа, по которой она обучалась в Ташкенте, оказалась не соответствующей местным требованиям. Школа находилась в пяти минутах ходьбы от временки, и в этом нам сильно повезло – Маша могла сама находить туда дорогу.

Житье в домике было более или менее спокойным. Мама ходила на работу, теперь уже в лабораторию при фабрике, на которой работал Ленька.

Меня наотрез отказались взять на место уборщицы в одну из школ по очень странной мотивации:

– Вы выглядите слишком солидно для такой работы.

Я никогда не слышала ничего более невероятного... Но, скорее всего, там были уже наслышаны о моих частых пьянках и похождениях в городке.

Похолодало. Мылись мы в корыте, которое ставили прямо на кухне, у печи, а потом разведка донесла, что неподалеку есть ведомственный душ, куда нас милостиво пускали за символическую плату. Это было таким счастьем – стоять под обжигающей плотной струей воды! Таким блаженством и таким удовольствием!

Но вся чистота быстро испарялась, потому что в домишке все пропахло сыростью, затхлостью, соседскими свиньями. А потом, внезапно, моя дочь начала чесаться, вместе с ней начала чесаться я, ведь мы спали в одной постели...

Так мы узнали, что такое чесотка. Маша подхватила ее при купании в реке с друзьями из школьного лагеря.

Вывести болезнь оказалось почти невозможно в тех условиях, в которых мы проживали. Мне повсюду виделись гадкие клещи, грызущие наше тело. Маша так расчесывала себя, что начинала сочиться кровь. Она плакала и кричала, что не хочет больше жить с такой болью. Мы с утра до вечера мазались серной мазью, которую нельзя было смывать. Запах этой мази будет, наверное, вечно преследовать меня. Через неделю процедур мы отмылись в корыте, сменили и постирали вещи, как велел доктор. Но... симптомы продолжались! Лишь утихли слегка...

Мы не могли избавиться от этой гадости целых три месяца, пока не уехали прочь из этого проклятого места! Дочь старалась не чесаться на людях, чтобы не выгнали из школы. И мы снова и снова, бесконечно и противно пахли желтой серной мазью...

Деньги мои давно закончились, пить стало не на что. Мать хоть и любила пропустить стаканчик после работы, с утра не давала ни копейки, оставляя меня один на один с суицидными мыслями и противным вонючим похмельем. Медленно, неотступно надвигались осенние холода. Меня и всех нас ожидала первая российская зима – лютая, долгая, незнакомая. Еще не думалось о дровах и замерзших колодцах. А тем временем остальное население уже возило дровишки на больших машинах, складировало вязанки по сараям или прямо во дворе.

Я по-прежнему хорошо выглядела, донашивала то, что было куплено с больших денег. Регулярно красила волосы в каштановый цвет и ухаживала за лицом. Я не хотела сливаться с общей массой, теряться в ней только для того, чтобы меня приняли за свою. Я верила – что-то произойдет, все изменится и кончится это представление, в котором я принимала участие давно уже не по своей воле.

Фамилия моей новой нечаянной неприятности – Леньки была Патрицкий. И только обладание подобной дворянской фамилией оставляло ему шанс.

Это парень сразу понял все мои проблемы. Он часто навещал меня среди белого дня, когда я одиноко выглядывала в окно с единственной надеждой на него. Он появлялся ниот-

куда, справлялся о моем здоровье и, видя мои трясущиеся руки, немедленно отправлялся на поиски заветной бутылки. Возвращался всегда очень быстро и никогда – с пустыми руками. Это был очень шустрый молодой человек, который мог достать все что угодно. А угодно было водки.

Я не противилась его компании, особенно в состоянии опьянения. Нас объединяло не только общее желание выпить, но и жестокая скука, и желание поговорить о чем-нибудь, выходящим за рамки окружающего примитивного мира. В один из таких дней, перешедших в удачный вечер, я отправилась к нему домой. Его мать, Лида, добрая, но хитроватая женщина приняла меня просто и почти по-свойски. Мы посидели все вместе за большим столом в зале. Она быстро опьянела и ушла спать, а Патрицкий стал проявлять ко мне повышенное внимание.

Внезапно и неприятно у нас состоялся секс, от которого я могла ожидать только отвращения, но вдруг получила оргазм – первый в моей жизни!!! Глаза мои расширились от удивления и новых, приятных ощущений, но отвращение к Патрицкому оказалось сильнее похоти.

– Я пойду домой. Меня уже потеряли...

Я не стала говорить про оргазм. Ленька вызвался меня проводить, я не спорила, хотя хотелось, как можно быстрее избавиться от его присутствия и запахов пережаренной пищи в комнате.

Просто было страшно идти через весь городок ночью одной. Я была сильно пьяна...

Вот так безрассудно мы и двигались к зиме. Ленька подарил мне определенные свободы. Мне больше не приходилось думать, где взять выпивку, куда пойти ночевать, если мама была особенно агрессивна. В этой пелене неадекватности я изредка трезвела, оглядывалась вокруг сонными глазами.

Ларек Барина я так и не забыла... Теперь он был виден из окна нашего домика. Иногда, в порыве прозрения, я мечтала, что Барина еще можно вернуть и брела в сторону его киоска потрепанная и нищая. По-моему, я так и осталась должна им какие-то деньги. Но Барин теперь редко появлялся там, а его продавцы лишь брезгливо отмахивались от меня.

По деревеньке желтой гадюкой поползла моя нелюбимая репутация. Безопасно я чувствовала себя лишь за тонкими стенами времянки, где никто не мог увидеть моей настоящей боли и моего настоящего лица.

Дочь теперь стыдилась меня, но любила так сильно, что сумела закрыть на это глаза. Мои редкие визиты в школу были неприятными для нас обоих. Я перестала верить этим людям, они осуждали и отчуждали меня. Осуждение чудилось повсюду и росло прямо пропорционально куче пустых бутылок за сараем.

Глава 16

В один из дней середины октября, когда печаль моя достигла апогея, я дала Патрицкому положительный ответ на приглашение выйти за него замуж.

«А что? Буду при доме, при муже. Как все здесь. Обрету новых родственников и поддержку. Обеспечу свою дочь недвижимостью». Эти мысли не казались уже такими дикими, тем более, что Ленька примелькался и приручил нас. Он действительно полюбил меня той любовью, на которую был способен, а мне лишь оставалось использовать его светлое чувство.

Однажды, к нам во двор явились двое с гармошкой и растянули ее прямо посреди двора. За забором любопытно зашевелились соседи. Я помню, что даже не удивилась, а просто вышла посмотреть на древний обряд, имевший ко мне прямое отношение. Вслед за гармошкой появился Ленька.

– Здорово! Это сваты! Будешь моей женой? Сейчас выпьем, посидим, как водится. Спрошу у твоей матери согласия, а потом можно и в ЗАГС! – он был так радостно возбужден, что его общее состояние легко оценивалось в один литр.

Я смотрела на происходящее, как на преднамеренный фарс, который не мог закончиться ничем позитивным. И тем обиднее, что у меня никогда не было настоящей свадьбы...

«Ладно», – подумала я. «Не выйду замуж, так хоть выпью за свое здоровье».

Мама очень быстро сориентировалась, и стол был готов уже через полчаса.

Ленька активно подливал принесенного самогона, произносил нехитрые тосты, просил у матери моей руки. А сваты только того и ждали: поднимали, да пили по любому поводу, почти не закусывая.

Патрицкий уснул под конец торжества, но не в доме, а в уличной душевой кабинке, прикрыв за собой хилую дверь. Приютился, как собачонка или порядочный жених. Сваты разбежались кто куда. Я осторожно приоткрыла дверцу душа, чтобы не разбудить своего суженого и посмотрела на пьяное существо в глубине деревянного сооружения, немного послушала его залиvistый храп и сплонула на землю. Это и есть моя судьба?!

На следующий день, как только я подтвердила свое согласие вслух, Ленька сразу заюлил и исчез. Он вовсе не хотел официального брака, а мне были нужны только те преимущества, которые мог мне дать брак.

Он так изворачивался и трепыхался на крючке своих собственных обещаний, что даже моя мама, настроенная скептически, начинала смеяться и называть его идиотом. К этому времени мы все уже знали, что коли уж мы остались без средств, у нас есть только одна надежда – выйти замуж и обрести достаток таким странным способом. Так было принято здесь. Так поступали и молодухи, и старухи ради себя, либо ради детей. И за это никого никогда не осуждали.

За домиком, где мы жили, тянулся огород. Там Патрицкий выделил нам две грядки для следующей весны. А пока он приходил сам, собирал картошку, капусту, еще что-то в большие мешки. Он стал молчаливым, даже угрюмым после нашего смеха и унижений. Он предпочел остаться свободным. И это было действительно смешно. Иногда он дарил нам кочан капусты или ведро картохи, как последним голодающим в этой деревне. Я не отказывалась, это было проще и быстрее, чем вступать с ним в долгие препирательства. Потом, внезапно, в отместку за мое нежелание общаться с ним просто так, без женитьбы, он повысил оплату за домик и запретил распивать крепкие спиртные напитки.

– Сожжете еще!!! – прокомментировал Ленька, обводя взглядом свою зеленую халупу.

Это уже было слишком! И я обматерила его, как умела. После чего наши отношения сошли полностью на нет. Я стала бояться его появлений, а он стал агрессивен, особенно в нетрезвом состоянии, в котором мы его обычно и видели.

В деревенской жизни мужчина необходим, как воздух. Нам некому было помочь ни с дровами, ни с падающим ленькиным забором... Дрова стоили дорого, а денег не было почти совсем. И мама нашла странный выход – нам привезли целую машину сухостоя, веток и стволов, которые надо было пилить и колоть самостоятельно, укладывать в поленницу за домом. И я пилила их и колола мерзлыми руками, осенью и зимой, ведь это было намного дешевле кругленьких отборных дровишек или угля, которым запасались наши соседи. Уголь мы отковыривали от земли, из старого Ленькиного сарая, и бережно складывали в одну небольшую кучку. Мама сказала, что дрова горят быстро, а углем можно топиться целую ночь. Она знала про это почти все... И она учила меня как не умереть этой холодной зимой. Я упрямо пилила дровишки и говорила себе: «Счастье надо выстрадать, заслужить. А иначе – какое же это счастье?»

Глава 17

До самой зимы еще было немного времени. Малая часть октября и ноябрь. Листья падали медленно, маленькими желтыми звездочками покрывали наш большой двор. Осыпался кустарник вдоль забора, отделяющего нас от улицы, стали отчетливо видны и двор, и огород соседей.

Немного ранее, в конце лета, я случайно наблюдала как соседка, женщина лет семидесяти, собирала урожай капусты и моркови с этого самого огорода. Она была очень больна. Но взрослые дети ее, видимо, не желали помогать ей в этом однообразном труде. Работала эта женщина не так, как здоровый человек – она плохо ходила, у нее не было сил стоять, подолгу согнувшись над грядками. Поэтому она ложилась между ними и начинала ползти, толкая перед собой ведро, в которое собирала свой нехитрый урожай. Она могла делать это часами, днями. Я уже уставала смотреть, но она все двигалась вперед, ибо, другого выхода у нее не было. Если она замечала кого-то из нас и могла окликнуть, то она предлагала нам немного моркови или картошки, набранной таким адским трудом. Но у нас не поднималась рука принять этот дар. Когда я смотрела на нее, я понимала, почему эта страна непобедима. Люди упрямы, очень упрямы глупым, неверным упрямством. Они идут по пути наибольшего сопротивления, вырабатывая железный характер, даже не задумываясь о том, что есть другие двери и более легкие пути. Никто никогда не говорил им всерьез, что у них всего одна жизнь, и она бесценна... Я и сама редко думала об этом. Мои иллюзии и мечты становились все более непредсказуемы и невыполнимы. Чередуя похмелье и острую болезненную трезвость, я уже понимала, что так не может, не должно продолжаться вечно. Здесь не моя жизнь и не мое место. Я понимала, что пора менять направление, но даже не представляла себе, как выбраться из этого без единой копейки денег...

Когда сердечные истории с Олегом и Бариним завершились, мне стало абсолютно нечего здесь делать. Доченька моя становилась мне все ближе, она превращалась в настоящего преданного друга, для которого хотелось сделать сразу все и немедленно. Мои мысли теперь все чаще обращались к Юре, ее отцу. И я приступила к его всероссийскому розыску через службу судебных приставов.

К нашему всеобщему удивлению, его точный адрес был найден через две недели, благодаря тому, что я знала регион его проживания.

Село, где обитала моя прежняя любовь и радость, называлось Жадовка. Не очень романтично, но, зато, на бумаге, были указаны и улица, и номер дома. Ни минуты не раздумывая, я сразу подала заявление об удержании с него алиментов за весь период, прошедший с нашего расставания. Но, на самом деле, мне хотелось совсем другого. Я хотела увидеть Юрку, поговорить с ним, рассказать обо всех неприятностях и ужасах, окружающих нас. Я была уверена, что он испытывает те же самые чувства на территории Российской Федерации. Ведь мы были пришлыми, чужими здесь. Я думала и думала об этом вечером, ночью и днем. У меня не было человека роднее, чем он. Я даже не принимала в расчет того, что Юрка был давно женат. Ничего более не имело значения в этом хаосе ощущений. Я верила, что он поймет и примет меня. Или просто поможет, словом и советом.

Ехать к нему было страшно. Ведь я не имела ни малейшего представления ни о направлении, ни о дорогах, ведущих к нему. Я только чувствовала, что это неприятно, долго, далеко и бесперспективно. Но еще раз оглядевшись, и, не увидев никаких других способов выбраться отсюда, я написала письмо – первый шаг на пути к Юрке. Это оказалось правильным направлением. На неотправленное письмо я, конечно же, не получила никакого ответа. Но вдруг стали приходить редкие, как волосы старухи, алименты. Каждый раз ровно по

пятьдесят рублей. В графе, означенной на бланке «для письма», не было никогда и ничего. И я наивно полагала, что он забыл черкнуть пару строк мне, нам...

Я приблизительно представляла себе направление на Ульяновск, а это означало, что я была готова к путешествию. Я решила ехать одна, неизвестно на какие средства, к чужим и опасным людям...

Глава 18

Это случилось в ноябре, когда снег мог появиться в любое мгновение. Мы выпивали на холодной кухне вдвоем с мамой. Гордые и несчастные, ненужные никому. Выбегая за очередной бутылкой, я успела заметить в полной темноте большую фуру, почти прислонившуюся к нашему тощему забору. Она сиротливо стояла там и после первой бутылки, и после второй, и даже после третьей.

– Девушка, куда вы все время ходите? – поступил ко мне первый вопрос, когда я уже изрядно примелькалась.

– В магазин. А вы сломались? – наивно спросила я.

– Да, мы тут немного «попали».

– А вы случайно не в сторону Ульяновска?

– Да. Мы из Р. Это как раз на пути в Ульяновск. А что?

Вот эта фраза и решила всю мою дальнейшую судьбу.

– Я поеду с вами, – сказала я так легко, как будто собиралась здесь же, через дорогу.

– Куда? – засмеялись они.

– Мне надо в Ульяновск. Очень надо. Это судьба.

– Мы поедem рано утром. Приходи.

– Хорошо, я приду.

Я исчезла за своим дырявым забором в твердой уверенности уехать отсюда немедленно, да хоть сейчас. Лишь бы изменить эту гадкую, не мою жизнь. Я искренне хотела спасти нас – меня и мою дочь.

Вернувшись в халупу, я сразу принялась собирать вещи так спокойно и деловито, что удивилась сама своей смелости. Градус делал свое дело. Море уже было по щиколотку, цели ясны, задачи понятны.

– Мам, я уезжаю в Ульяновск! – заорала я через комнату.

– Куда? – взвизгнула она от неожиданности.

– Там стоит машина, они подвезут меня полпути, а там сама доберусь. Денег давай!

– Хрен тебе, а не деньги! На кого ты ребенка оставишь? С ума сошла? Они же тебя увезут неизвестно куда!

Но невидимая сила уже потянула меня вперед так неодолимо, что я сама испугалась.

– Я поеду! Я не собираюсь сдохнуть здесь под Ленькиным забором! А денег не дашь – возьму аппаратуру и продам по дороге. Уеду и точка. Я разыщу этого придурка, который должен помогать своей дочери, а иначе меня будут звать не Вика!

Как хорошо, что тогда, в тот вечер я не послушала мать. Более того, я переступила через собственную боль и материнский инстинкт, и рано утром, ровно в семь, я уселась в большой КАМаз, оттолкнув ногами мать, которая вцепилась в меня намертво. Рядом стояла моя маленькая дочь с широко открытыми глазами, но не говорила ничего. Мама, наоборот, кричала на всю российскую глубинку, что я – сволочь, дрянь и проститутка. Я думаю, что она смогла уверить в этом всех, кто наблюдал за происходящим, а именно – троих мужиков из КАМаза.

Ребят было трое – водитель Вениамин, второй пилот Колян и экспедитор Саша. Кроме Вениамина, все остальные были сильно пьяны. И продолжали пить почти до вечера. У них, а теперь уже «у нас», был солидный запас «горючего» и мы не стеснялись употреблять на глазах у злого от ответственности Вениамина. За его спиной находился огромный «спальник». Что я могла тогда знать о «плечевых» девочках, которых они собирают на дорогах пачками и которые гибнут на русских дорогах, как листья под колесами?

После всего, произнесенного «на дорожку» мамой, ребята не стали особо церемониться по моему поводу. Первым к делу приступил Колян. Он силком затащил меня на «спальник» и попросту изнасиловал. Но, как честный парень, он предложил и альтернативу: выйти на обочину заснеженной ноябрьской дороги без денег и документов. Немного подумав, я согласилась на первый вариант...

Теперь, когда я вспоминаю тот случай, я всякий раз вздрагиваю от ужаса. Ведь будь я немного менее искушена в вопросах психологии, или будь я немного трезвее, меня бы действительно больше никто никогда не нашел...

В лобовое стекло КАМаза легко постукивали снежинки. Колян давно уснул, остальные молча сидели в кабине. Я медленно трезвела. И вот когда до меня дошел смысл содеянного, когда я поняла, что отныне я никто и нигде, я буквально почувствовала как волосы зашевелились на моей голове.

– Я хочу домой, – робко произнесла я.

Но, как я могла вернуться? По трассе летели встречные машины, но ни одна из них не ехала туда, куда мне теперь так хотелось попасть. Со мной была только небольшая сумка вещей и магнитофон «Филипс», который я собиралась продать для покупки обратного билета. Но здесь и сейчас, на этой трассе, трудно было найти более бесполезные предметы.

– Мы можем посадить тебя на попутку до Воронежа, а там сама доберешься, – предложил Веня.

Я посмотрела на него с уважением. Венька был Человек. Высокий, худой, с рыжими торчащими усами он осторожно улыбнулся мне, и я поняла, что он безмолвно взял меня под свою опеку.

– Давай попробуем. Куда я, дура, поехала? Я ведь совсем без денег.

Остановив фарами три машины, Вениамин вернулся с отрицательным результатом. За окнами стремительно темнело.

Сзади на «спальнике» угрожающе шевельнулся Колян, на которого мне было теперь даже стыдно смотреть. Но Венька подбодрил меня взглядом, мол, самое страшное позади, и я немного успокоилась. Хотелось немного выпить, всеобщая трезвость разрушила былую общность интересов, каждый стал сам по себе. И нервное горькое похмелье облачком раздора висело в кабине.

Через восемь часов пути у нас треснула сцепка, на которой мы тянули большой прицеп. И это означало, что мы встали на срочный ремонт в одной из многочисленных безликих деревенок. Теперь мои шансы на попутку стали равны нулю.

Ребята сделались совсем ручными. А Колян даже извинился передо мной за свой сексуальный беспредел. Пока Веня разыскивал сварщика и вел с ним торги, мы с Коляном и Сашкой отправились в поход за горючим в прямом и переносном смысле этого слова. Торопливая продажа магнитофона «Филипс» значительно увеличила наши шансы доехать, наконец, до места.

После часового марафона мы вернулись исципанные местными гусями, но раздобыли три бутылки водки и точный адрес того, кто продаст солярку за полцены.

В той деревеньке, названия которой я уже никогда не узнаю, мы и остались на ночь. Меня разместили прямо на полу в недостроенном домике, рядом с ремонтной базой. Я одна умудрилась выпить добрую половину купленного вечером. Кто-то бессовестно приставал ко мне, но я больше не поддавалась на дешевые провокации. А утром первое, что я получила, это звонкую Венькину пощечину за то, что «шлялась неизвестно где». Глупо было обижаться на него или вдаваться в сомнительные объяснения. Таким образом, Веня полностью приобрел на меня все права, что было крайне важным в моем шатком и нелепом положении.

– Венька, а ведь ты холостой! Возьми ее к себе! Чем не невеста? – зубоскалил Колян несвежим утренним ртом, поглядывая на мой нечесаный и невымытый облик.

Ответом стал кулак, попавший в челюсть. После чего Колян стал впредь особенно предупредителен и нежен ко всем присутствующим. Вениамин был вообще смел и немногословен.

К тому времени я уже почти передумала ехать и к Юрке, и домой. Мне хотелось лишь одного – просто помыться под горячей водой с ароматным мылом и лечь в чистую, прохладную белую постель. Я боковым зрением поглядывала на Вениамина и понимала, что вполне могу на это рассчитывать в конце нашего пути. Он волнительно краснел и бледнел, боялся «ляпнуть» или обидеть меня, а значит, я находилась в полной безопасности. По пути все чаще попадались машины из Р. региона. Ребята тоже подустали, замерзли и радовались этим встречным как родным. Я сознательно отдалась течению и перенесла решение задачи с одним неизвестным на завтра, после того, как закончится эта дорога и под ногами окажется твердая чужая земля.

Глава 19

Поздним вечером мы прибыли в Р. и я сделала первый шаг в городе, посланном мне самим провидением. Веня действительно повез меня к себе, немытую, пропахшую до костей соляжкой и перегаром. Мы долго ехали в такси, а он положил руку мне на плечо и молча покуривал в открытое окно.

Встретили нас, что и говорить, радушно! В узком коридоре двухкомнатной «хрущевки» на нас смотрели: здоровенный пьяный детина, а именно: Гоша, Венькин брат, и их мама, Антонина, женщина с большими недобрыми глазами и фальшивой улыбкой.

– Здравствуй сынок. С кем это ты?

– Венка! Кто это? – спросили они почти одновременно.

– Здравствуйте, – ответила я.

Дело в том, что мой внешний вид не оставлял мне никакой надежды выдать себя за себя. Мой чистый внутренний мир абсолютно не просматривался этим вечером.

– На дороге подобрал? – угрожающе продолжала мать.

– Венка! А из проститутток получают самые хорошие жены! У вас выпить есть?

– Найдем!

Мы получили внезапного союзника, который за бутылку был готов собирать голоса в нашу пользу.

– Mam, давай потом. Есть че пожрать? Мы долго ехали!

– Нет, скажи кто это?

– Веня, я лучше пойду... – тихо вмешалась я.

– Нет, ты останешься. Mam, не твое дело. Моя комната, моя жизнь. Иди, проходи, – он подтолкнул меня направо к двери.

– Я белье поменяла, полы помыла, а ты заразу в дом тащишь!

Маму «несло» еще минут сорок. Но ее никто уже не слышал. Никто, кроме меня. Тогда мне было и стыдно, и страшно, и противно, и ненавистно. Каждое ее слово больно врезалось, попадало прямо в цель. Мне хотелось выйти и все объяснить ей. Сказать, что я не такая, что у меня беда, что все и так болит, она не сможет сделать мне еще больше, чем есть. Но сейчас я понимаю, что она была права. Как еще можно было отреагировать на грязную, чумазую девчонку, появившуюся на твоём пороге посреди ночи в обнимку с твоим любимым сыном??? И то, о чем я так порывалась ей сказать, для нее было невозможным. Она могла бы принять это, но лишь с экрана телевизора, в перерывах между рекламой. В общем, я не держу на нее зла...

И вдруг все померкло перед белой, горячей, ароматной, пенной ванной. Я стояла и смотрела как зачарованная на эту обыденную, примитивную для кого-то вещь. Безобразным, постыдным откровением подмигнуло мне из прошлого грязное Ленькино корыто. И мне так захотелось подвести к этой ванне дочь, посадить ее туда и наблюдать, с каким блаженством она будет плескаться через край белые невесомые хлопья.

Точно в тот момент, когда мое ритуальное омовение было закончено, я приняла неожиданное-смелое даже для самой себя решение... Я, видимо, перееду сюда жить, в эту «хрущевку». Чего бы мне это ни стоило! Вернее, я очень этого захотела.

Тем временем, мама братьев ушла восвояси, в соседний подъезд, где она жила с местным алкоголиком в надежде заполучить его квартиру после его смерти. По той самой, надежной кривой траектории... А ведь так и случится много позже...

А пока мы остались одни. Гоша уже почал принесенную нами бутылку. В отличие от матери, он не пытался унижать меня, ибо хорошо знал тяжелую руку брата. Мы тоже выпили, потом поели, потом выпили еще, и сразу стали близкими и родными. Когда я уже была уве-

рена в венькиной вечной любви, он уснул в кровати возле моего плеча. Парень совсем не храпел, спал мирно, по-детски, а простыни были чистыми и белыми. Но мне отчего-то не спалось, я легко сходила еще за одной бутылкой и тихонько-мечтательно выпила в одиночку ровно половину. Я помню, что я была абсолютно счастлива и спокойна в ту ночь. Впервые здесь, в России, я смогла получить реальную поддержку от человека мужского пола. А это дорогого стоило. Я пообещала сама себе, нежно глядя на венькину лысину, быть ему благодарной. И, конечно, моя благодарность не заставила себя долго ждать.

Утром меня осенило. А ведь я находилась всего в двухстах километрах от Юрки! Ехать туда было теперь даже неприличным. Вениамин предложил мне серьезные отношения, не подвластные ни времени, ни пространству. Быстро взвесив ситуацию, я пошла на почту и отправила Юрию телеграмму: «Проездом в Р. Адрес такой-то. Приезжай. Отец». Я знала его отца, знала, что он живет в Красноярске, и тот вполне мог проезжать здесь самым случайным образом. Отправила и забыла.

Мы немного погуляли по городу, выпили пива, поели шашлыка. Венька был великим молчуном, поэтому мы больше общались на уровне инстинктов. Он совершенно серьезно предложил мне купить обратный билет на поезд, потому что мне было необходимо срочно отправиться к дочери. А дальнейший его план был по-мужски простым: он приедет и заберет нас оттуда. Приедет на грузовой «ГАЗели» и точка.

В моей душе варился коктейль под названием «чудо», но не молочное, а настоящее. Я испытывала не просто радость или счастье. Я ощущала под ногами долгожданную твердь взлетной полосы к неограниченным возможностям. Вот так однажды, в ноябре, я согласилась стать гражданской женой Вениамина, рейтинг которого всего на полпроцента превышал рейтинг господина Патрицкого.

– Хорошо, – просто ответила я, стараясь не выдать волнения ни словом, ни жестом. Господи, лишь бы не сорвалось...

Билет был куплен. Но у меня оставалась еще уйма времени, чтобы познать и приручить Веньку до стадии оптимального постоянства. Поезд отходил следующим вечером.

Я еще не успела подумать, как доберусь от станции до дома ночью, пешком через весь городок. Скажу больше – я и не знала этой дороги. Мы уютно сидели на венькиной кухне, только что прослушав информацию от его мамы. Я была при полном параде – в белых льняных брючках, бежевой блузке и с любимым накладным хвостиком на голове. Мы культурно выпивали вино средней степени тяжести, на завтрашнюю дорожку, когда в дверь позвонили...

Гоша, любитель внезапных посетителей, вышел к двери и долго выяснял там что-то, не понятное ему самому.

– Господи! Это ж Юрка! – шепнула я Вене, который был в полном курсе происходящего.

Я быстро пошла в коридор, отодвинула пьяного Гошу и сразу увидела моего бывшего мужа в вызывающей оранжевой куртке не по моде, располневшего, неприятно трезвого и здравомыслящего, а за его спиной стоял неожиданный сюрприз – та самая Ирина, бывшая жена Олега. Ну, зачем он ее притащил? Познакомить с папой? Наивные, как дети...

Я мечтала об этой встрече так долго, так не верила в ее вероятность, что даже не могла осмыслить происходящего. Я думала, что это будет долгий пристальный взгляд, тихая музыка, слезы прозрения или искупления. Но, вместо всего этого, я тупо уставилась на них полупьяным взглядом, пытаюсь сообразить, зачем мне это надо и что именно я должна сейчас говорить...

– А, ну все понятно... – разочарованно протянул Юрка.

– Вот сволочь! Мы детей побросали, приехали в такую даль, и все из-за чего? Из-за этой... – если бы она промолчала, я бы так и не заметила ее крашенных сеченых волос, осунувшегося постаревшего лица и глупых, недоверчивых глаз.

– Почему ты прячешься столько лет? – наконец, заговорила и я. – Когда ты начнешь присылать нормальные алименты? А ты вообще заткнись, дрянь крашеная! Ты мне за все заплатишь! Слышишь, ты? – я не придумала, не нашла ничего умнее, хотя сама сейчас была дрянью в их глазах.

...Ни здарсьте, ни до свиданья...

Они уже бежали вниз по лестнице, именно бежали, напугавшись двух здоровенных братьев, выросших за моей спиной.

– Вы оба заплатите мне! Запомните это! Идиоты! – в бессильной ярости кричала я вслед, – Венька, ну верни его, верни, я так хочу поговорить с ним! Я ждала этого столько лет! Неужели я прошу невозможного???

Венька выскочил из подъезда, но их старенький белый «Москвичок» уже скрылся за поворотом.

У меня началась внезапная истерика от собственной глупости и слабости. Ну, как я могла испортить такой великолепный план? И зачем он привез эту дуру? Венька укачивал меня, как ребенка, обещал что-то, говорил про прошлое и будущее. Наконец-таки, я вытерла слезы и неуверенно подумала: «Еще не вечер». И это действительно было так.

А на завтра в поезде было грустно, тепло и темновато, и колеса божественно выстукивали: до-ча, до-ча, до-ча...

Глава 20

Я не вру. Дорога от станции до дома была мне неизвестна. Поезд пришел в час ночи. И вместе со мной вышли только два пассажира, которых встречали на машине. Они сурово пытались объяснить мне направление движения, но я, измученная угрызениями совести и тяжелым похмельем, плохо понимала их. В конце концов, они уместили меня в свою машину и подвезли до полпути. Все, я одна. Никого... Ничего... Только я и звезды.

Я пошла в указанном направлении, постепенно присматриваясь и понимая, что все не так плохо. Вдали виднелись фонари центральных улиц – мой единственный ориентир сейчас.

Я твердо решила купить бутылку водки в киоске у Барина, и мне было абсолютно все равно, как он отреагирует, если вдруг окажется сейчас там. У меня начиналась новая жизнь! Я уезжала отсюда, и все здешнее стало сразу смешным и неважным.

Когда я увидела знакомые места, узнала площадь, рынок и свою улицу, я, буквально, расплакалась от счастья. Мне так не терпелось увидеть дочку и рассказать ей, что теперь, с этого дня, вся наша жизнь по-настоящему изменится.

В это самое время я услышала за спиной чьи-то уверенные шаги. Оглядываться означало проявить интерес или испугаться... Я просто продолжала двигаться к заветному киоску, который был уже отчетливо виден благодаря неброской рекламе. Даже матерый маньяк со стажем не смог бы заставить меня передумать купить водку и выпить ее прямо сейчас, дома, под любимую музыку, в тепле и покое. Я заслужила эту малую малость!

Человек сзади молчал, но не отставал ни на шаг. Он вежливо подождал, пока я отоварились, и пошел вновь. Молодая девушка в киоске сонно проводила нас взглядом и хлопнула оконце. Купленная бутылочка сделала преследователя решительней:

– Эй, слышь! Постой, что ли?

И здесь он произнес мое имя, что, честно говоря, повергло меня в ужас... Я и представить себе не могла, из какого он лагеря – союзников или врагов. Если он догонит, то обязательно завяжется разговор, прохожий будет бороться за право выпить за мой счет. Или станет бить морду... А может?...

Ну, нет! После всего пережитого я стала умнее. Не знаю, как бы я поступила еще несколько дней назад, но сейчас, не раздумывая, я задала такого стрекача! Я бежала без оглядки. Мимо, однообразной лентой, мелькали чужие заборы, топот моей тяжелой обуви отдавался эхом в ушах. Я удирала, как последняя трусиха, и думала: «Неужели я мало натерпелась за эти дни?» Меня молчаливо преследовали...

Вот и они, наши хлипкие воротца! Я со всего маху толкнула их, они поддались не сразу, сперва, дружелюбно ударив меня по лбу. Не закрывая щеколды, я подлетела к окну и начала с такой силой тарбанить в него, что почувствовала, как дом буквально закачало. Тот, позади, который хотел выпить и поговорить, уже почти дышал мне в затылок, когда, наконец, сонная мама произнесла свое нелепо -медленное:

– Кто?

– Да я, Господи! Открой скорее!

– Сейчас.

Дверь начала нерешительно открываться... Я неуклюже упала в спасительный узкий проем, хлопнула с силой дверь, провернула замок, и, в это же самое время, ее с бешенством рванули обратно.

– Там кто? – позевывая спросила мама.

– Я не знаю, он идет за мной всю дорогу. Я ужасно боюсь, мам! Что делать?

Снаружи несколько раз требовательно постучали, в окне показалось незнакомое усатое лицо преследователя, которое просило впустить его на разговор. Я подвела к окну собаку, она приводнялась на задние лапы и злобно зарычала, лицо сразу исчезло... Брррр...

Отношения с Вениамином отсюда, из далекого Н., казались призрачной сказкой. Я уже была уверена, что больше никогда его не увижу. Да я и не хотела его видеть, мне просто был нужен другой, новый виток этой запутанной жизни. Его маленькая квартирка в Р. стала моей навязчивой идеей. А когда я мыла доченьку в сером оцинкованном корытце, то хотела я того или нет, я представляла белую пенную ванну, в которую, возможно, уже никогда не попаду...

Все продолжалось по-прежнему. Мама ходила на работу, дочь училась, завершалась вторая четверть. В те времена еще не были в таком ходу мобильные телефоны, не было домашнего телефона у Вениамина. У нас с ним не было никакой связи, но я нашла выход. Однажды, после матерной стирки у колодца, когда я в очередной раз отморозила руки, я отправилась на почту и сверстала телеграмму – «Когда ты приедешь?» Мне было абсолютно все равно как он воспримет это, как отреагирует его мама или брат. Я обязана вернуться туда непременно. Иначе, зачем я вообще попала в этот КАМаз?

Ответа я ждала в страхе, что вообще его не дождусь. Почтальон ходил мимо нашего домишки два дня. От отчаяния я принялась за выпивку, много курила и все смотрела в окно, за которым лег первый легкий снег. Домик угрюмо наполнился сыростью, холодом и тягостной тишиной. Дочка учила уроки. Я придвинула обогреватель прямо к ее ножкам, остальное пространство обогреть было нечем. Я не умела растапливать печку, и мы сидели в холоде до вечера, ждали маму, которая и растапливала печь мелкими дровишками, честно говоря, не греющими ничего... Но мысли материальны... И на третий день нам пришла телеграмма: «Буду второго января. Жди. Веня».

От такого поворота событий словно подтаял снег за нашим окном. Мне увиделась веселая капель, пение птиц и прямые лучи теплого яркого солнца.

Глава 21

А тем временем за ноябрем потянулся серебристый декабрь... Мама, по-моему, не хотела, чтобы мы уезжали, и принялась отчаянно мотать мне нервы. Дочь преданно заглядывала в глаза, верила, что где-то там, далеко-далеко отсюда мы обретем, наконец, покой и счастье. Я уже не верила ни во что. В меня, непрошенными гостями, вошли и поселились: паника от долгого ожидания возле окон и заборов, страх от постоянной нехватки денег и продуктов, омерзение от выпивок и Ленькиных нелепых домогательств.

К концу декабря я начала собирать кое-какие вещи, с тем разумением, чтобы они вошли в грузовую ГАЗель. Из крупного это были: телевизор, два кресла, диван и столик. Я совершала все действия машинально, а внутри меня рвалось и металось нелепое, как вся моя жизнь: «Я устала! Я больше так не могу!». И когда я вновь и вновь вспоминала о той поездке на МАЗе, волосы начинали шевелиться на моей голове. Как можно было решиться на подобное, и было ли это на самом деле?..

Венька приехал вдруг, к обеду, тридцать первого декабря. Как он потом сам признался, загадал, что если я встречу его пьяной, он немедленно развернется и уедет обратно. Но, на мое счастье, я не успела еще даже пригубить. Он привез сладкий подарок дочери, а нам с мамой бутылку шампанского и коробку конфет. И там, тогда, он, безусловно, был сказочным принцем, прискакавшим на белом коне.

Я выглянула в окно и посмотрела на серенькую бортовую ГАЗель, которая должна была увезти нас в счастливое завтра. Это был Новый год, новая жизнь и новые надежды. Мне вдруг показалось, что все еще наладится.

Мы посидели за столом, выпили в меру, поели. Потом Венька уснул, даже не удостоив своим вниманием боя курантов, а мы, взвинченные до предела сбывающимися на глазах надеждами, продолжали куролесить до утра.

Мать несла пьяную ересь, то ли от зависти, то ли от водки. Но это больше не имело никакого значения. Я с гордостью и благодарностью посматривала на диван, где спал мой принц, рыженький, лысоватый, немногословный. И хотелось запеть «Калинка-малинку», весело, нараспев, звонко сотрясая застоявшийся сырой воздух...

В ту ночь мы спали вместе с ним – дочь у стенки, я посередине, он с краю. У нас не было больше спальных мест. Мама почивала в своей «светелке» возле печки. И оттуда до полудня следующего дня, доносился здоровый мужицкий храп. Стоит ли говорить, что я не спала вовсе? Я нежно поглаживала дочкины волосы, шептала ей ласковые слова. Ибо, видит Бог, я делала это все только ради нее и ни для кого больше.

Венька оказался властным человеком. Он лишь отдаленно знал о семейных отношениях, и то – понаслышке, от друзей. Привык говорить и делать одновременно. Если вдруг возникали разногласия, и он гневно и удивленно поднимал рыженькую бровь – плохо дело... Но я приняла правила игры. Слишком велики были ставки.

Мы решили выезжать второго января, так как Венька все-таки напился и был «обес-точен» на целые сутки. Наши вещи были давно собраны, оставалось только побросать их в ГАЗель, что являлось делом техники. Венька ничуть не сомневался в правильности своего поступка, чем добавлял нам, такой необходимой тогда, смелости. Мы с дочкой, конечно, побаивались уехать насовсем, в чужой город, но именно побаивались – не более того.

Когда ГАЗелька тронулась, мама печально взмахнула рукой, собака попыталась броситься вслед, но ее предусмотрительно привязали к забору. Растерянная Альфа и пьяненькая мать оставались совсем одни, без помощи и присмотра в холодной зимней стране, именуемой «безнадега». Мое сердце больно стукнуло, потом еще раз, я крепко сжала Венькину руку, умоляюще посмотрела в его глаза.

- Мы заберем собаку?
- Потом приедешь, заберешь. Сначала сами устройтесь. Я помогу. Не бойся, радость моя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.